PG
3320
.F3R3

Class PG
Book
YUDIN COLLECTION
GPO

Razskazy

РАЗСКАЗЫ,

А. Ф.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1852.

PG 3320
.F3R3

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 21 Ноября 1851 года.

Цензоръ *И. Пейкеръ*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЮЛІУСА ШТАУФА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Черная булавка..... 5.

Богданъ..... 37.

I. Отправленіе..... —

II. Нежданный гость..... 50.

III. Еще несчастіе и надежда 66.

IV. Участь рыбаковъ..... 82.

V. Неисполненная клятва.... 108.

Два брата, разсказъ XVI столѣтія... 126.

I. Горесть матери..... —

II. Неожиданная встрѣча.... 141.

III. Твердость братьевъ Моле. 159.

IV. Великодушіе Бертрана... 173.

Отецъ ремесленникъ, комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ; пьеса для домашняго театра..... 183.

ЧЕРНАЯ БУЛАВКА.

Въ одинъ прекрасный Іюньскій вечеръ, трое дѣтей весело вбѣжали въ одну изъ комнатъ замка Сенъ Валіе.

— Няня, няня! скоро восемь часовъ, солнце начинаетъ заходить,— вскричалъ одинъ изъ нихъ.

— Ахъ, любезная Берта! я прыгалъ и бѣгалъ также весело, какъ козленокъ сестры моей; сумерки подходятъ, и я ни за что не хочу потерять того, что ты намъ обѣщала,—говорилъ другой. . .

— Хорошо, дѣти мои, хорошо! отвѣчалъ имъ сильный голосъ,—я не забыла своего обѣщанія, и поспѣшу его исполнить. Мнѣ очень нравится ваша любознательность; вы знаете, старики любятъ, чтобы ихъ со вниманіемъ слушали. Ну, подите сюда, Соничка и Вася; какъ горятъ твои щеки, Коля.

— Это отъ того, нянюшка, что я, бывши въ другомъ концѣ парка, прибѣжалъ сюда, что духу было, чтобы услышать разсказъ о булавкѣ.

— Хорошо, друзья мои, хорошо. Отдохните немножко; садитесь ближе ко мнѣ, будьте внимательны и не забывайте, что старость отняла много гибкости у моего языка; не принуждайте меня по два раза повторять одно и тоже.

— О нѣтъ, милая наша Берта.

— Мы будемъ слушать внимательно!

— Мы не скажемъ ни одного слова!

— Хорошо. Да постойте, я зажгу свѣчи, чтобы, разсказывая, вязать чулокъ. Разговоръ—такая вещь, которая не мѣшаетъ заниматься рукодѣльемъ; такимъ образомъ не потеряемъ даромъ времени.

— Нянюшка, развѣ ты мало сегодня работала?

— Нѣтъ, Васинька, довольно; но я могу еще работать, и вотъ почему буду продолжать. Мнѣ не долго остается жить, и каждая минута для меня дорога. Человѣку очень утѣшительно сказать самому себѣ, когда онъ оставляетъ навсегда землю, что онъ былъ полезенъ людямъ способностями, дарованными ему отъ Бога;

всякое дѣло, какъ бы оно мало нибыло, приноситъ пользу. Лучше мало, нежели ничего.

Едва добрая старушка перестала говорить, дѣти въ одно время вскочили со своихъ мѣстъ; Вася принесъ свѣчку, Соня рабочую корзинку, а Коля черепаховые очки, которые онъ, смѣясь, надѣлъ на острый носъ Берты.

Въ эту минуту можно было читать удовольствіе, написанное на лицѣ старушки, при видѣ услужливости дѣтей и желаніи ихъ угодить ей. Наконецъ, когда все вокругъ ея утихло, она начала разсказывать, взявъ напередъ въ руки свое вязанье.

— Отчаяваться никогда не должно; самое, по видимому, незначительное обстоятельство можетъ имѣть важныя послѣдствія.

Нѣкогда на живописныхъ берегахъ Арно,—такъ называется одна рѣка въ Италіи,—жилъ рыбакъ съ женой и маленькимъ сыномъ. Живя подъ прекраснымъ Флорентійскимъ небомъ и далеко отъ заботъ и суеты міра, семья была очень счастлива. Орбителло,—такъ звали рыбака,—по всему околотку слылъ ловкимъ и хорошимъ рыболовомъ и заслужилъ имя честнаго человѣка. Издалека приходили за рыбой къ его садкамъ, всегда полнымъ форелей, щукъ, окуней и разныхъ другихъ родовъ рыбъ. Часто получалъ онъ приказанія отъ Интендантства Римскаго двора посылать лучшую рыбу въ Ватиканскій дворецъ, въ которомъ жилъ тогда Папа Сикстъ V.

— Ну видите ли, дѣти, самое скромное ремесло можетъ открыть

дорогу къ большимъ предпріятіямъ; все зависитъ отъ искусства, съ которымъ оно производится.

Орбителло наслаждался полнымъ благополучіемъ; онъ былъ въ состояніи каждый день по немногу откладывать денегъ и надѣялся провести въ покоѣ и довольствѣ конецъ своей жизни.

Онъ часто въ мечтахъ своихъ думалъ, что онъ уже качаетъ на колѣняхъ внучатъ, которыхъ подаритъ ему сынъ. Но Богу угодно было устроить иначе: однажды, когда рыбакъ закидывалъ свои сѣти по теченію рѣки, его застигла сильная буря; несчастный Орбителло употребилъ всѣ возможныя усилія спасти себя и челночекъ, на которомъ плылъ; наконецъ онъ достигъ берега Арно и въ изнеможеніи

упалъ на землю; онъ опасно заболѣлъ и умеръ въ своей хижинѣ въ объятіяхъ жены и сына.

Увы! этимъ не кончились бѣдствія несчастнаго семейства. Сиротка вскорѣ за тѣмъ лишился и матери, которая умерла послѣ продолжительной и мучительной болѣзни, истощившей все, что скоплено было многолѣтними трудами рыбака; маленькой Жоани Орбителло остался круглой сиротой и въ совершенной бѣдности.

Послѣ этихъ словъ почтенная Берта опять прервала свой разсказъ.

— Знайте, милыя дѣти, — сказала она,—послѣ всего этого, что намѣренія Провидѣнія для насъ непостижимы, но всегда благодѣтельны.

Будьте увѣрены, что Богъ ничего не дѣлаетъ напрасно. Кто знаетъ! мо-

жетъ быть, что Орбителло и жена его подверглись бы въ жизни такимъ несчастіямъ, которыя ужаснѣе самой смерти?

Остались ли бы они всегда честными и добродѣтельными людьми? Развѣ благосостояніе немогло произвести перемѣны въ ихъ жизни и образѣ мыслей? Одинъ только Богъ все это зналъ, и взялъ ихъ къ себѣ тогда, когда они были достойны лучшей жизни; еслибы Онъ продлилъ ихъ жизнь, они вѣрно подверглись бы большимъ соблазнамъ и не получили бы награды, ожидающей всѣхъ добрыхъ людей.

Соничка, Вася и Коля потупили глаза и просили няню продолжать разсказъ, на что̀ она тотчасъ согласилась.

— Маленькій сирота вторично про-

водилъ на кладбище тѣло существа милаго его сердцу. Бѣдный ребенокъ горько плакалъ; онъ уже потерялъ надежду на заботливость и любовь, которыми окружали его добрые родители; никто теперь не будетъ такъ мило ему улыбаться, какъ мать, когда онъ игралъ въ глазахъ ея; къ кому онъ выбѣжитъ на встрѣчу подъ вечеръ, когда рыбаки возвращаются съ ловли? Хижина отца его была продана во время болѣзни матери, такъ что у него не оставалось ничего, кромѣ платья, которое уже было такъ ветхо, что онъ былъ принужденъ скрѣплять его большой черной булавкой, которую, нашедши въ постелѣ отца, онъ оставилъ себѣ на память, какъ единственное наслѣдство отъ родителей.

Что же вы думаете? эта черная

булавка, эта пустая вещица, послужила ему средствомъ обогащенія. Богъ не безъ жалости къ сиротамъ,—вы это скоро увидите.

— Съ самыхъ первыхъ дней грустнаго одиночества, молодой Жоани узналъ горькую истину, что безъ работы никто не можетъ жить. Необходимость заставила его искать какого нибудь занятія. Но какого рода оно могло быть? Несчастный почти ничему не учился. Онъ всегда былъ занятъ однѣми удочками и сѣтями, и воспитаніе его не могло быть совершенно. При томъ родители его небыли въ состояніи нанять для него учителей, и онъ, въ тягостныхъ обстоятельствахъ, принужденъ былъ обратиться къ знакомому ему ремеслу.

Когда отецъ его былъ еще живъ,

онъ часто, сидя у берега рѣки, закидывалъ удочки, и играя ловилъ рыбу. Онъ вспомнилъ, что одна удочка, спрятанная имъ въ болотѣ, могла еще тамъ находиться, и быть ему теперь полезна. Побѣжать къ тому мѣсту, гдѣ она была спрятана, было для него дѣломъ одной минуты, и вообразите радость его, когда онъ ее тамъ нашелъ.

— Богъ меня не оставляетъ! сказалъ Жоани самому себѣ, и, надѣясь на благость Провидѣнія, началъ распутывать удочку. — Если мнѣ будетъ удача—продолжалъ онъ,—я пойду продавать рыбу въ ближайшее селеніе. Не откажутся же покупать у бѣднаго сироты; я могу стать такимъ же рыбакомъ, какъ отецъ мой; тогда выкуплю нашу хижину, и буду жить въ

ней, въ свою очередь, въ трудахъ, терпѣніи и добродѣтели.

Пока онъ давалъ себѣ это похвальное обѣщаніе, бѣдный ребенокъ увидѣлъ, что не надобно слишкомъ скоро надѣяться, и что за радостью быстро приходитъ разочарованіе. Воздухъ и сырость болота нисколько не попортили волоса, но ржавчина совершенно изъѣла крючекъ, такъ-что онъ никуда негодился. Рыбаковъ по сосѣдству небыло; небыло и денегъ, чтобы купить новый.

Но въ нуждѣ, умъ бываетъ богатъ на выдумки; Жоани вспомнилъ о черной булавкѣ.

— Добрый, безцѣнный батюшка,— вскричалъ онъ со слезами на глазахъ, о мой добрый батюшка, ты мнѣ внушилъ эту благую мысль и даже пос-

лѣ смерти приходишь комнѣ наномощь.

Не теряя времени, Жоани привязалъ, какъ могъ, булавку къ удочкѣ, загнулъ кончикъ ея и побѣжалъ къ берегу рѣки; набралъ червяковъ и сталъ пробовать свое изобрѣтеніе. Успѣхъ превзошелъ его ожиданія и къ полудню маленькій рыбакъ наловилъ много рыбы; но неоставлялъ работы, пока ночь не принудила его удалиться. Тогда онъ поспѣшилъ въ ближайшее селеніе и получилъ, въ обмѣнъ за свою рыбу, полъ франка, ночлегъ и добрый ужинъ.

На другой день утромъ, на свой маленькій капиталъ онъ купилъ другую удочку, и пошелъ туда же, гдѣ наканунѣ такъ удачно удилъ; онъ очень полюбилъ это мѣсто.

Прошло нѣсколько мѣсяцовъ, въ продолженіе которыхъ не произошло большой перемѣны въ положеніи нашего маленькаго героя; нужда его уменьшалась; каждый день онъ становился опытнѣе въ своемъ ремеслѣ. Однажды, когда, по обыкновенію, онъ сидѣлъ у берега, не сводя глазъ съ поплавка своей удочки, онъ вдругъ услышалъ возлѣ себя легкіе и быстрые шаги. Онъ оглянулся и увидѣлъ молодую даму, очень богато одѣтую; за нею въ нѣкоторомъ отдаленіи, шла толпа людей и посреди ихъ кавалеръ весь блестящій золотомъ. Это внезапное явленіе такъ удивило Жоани, что онъ вскочилъ съ своего мѣста такъ скоро, что молодая дама, которая не успѣла еще замѣтить его, испугалась. Она тотчасъ остановилась и,

сдѣлавъ шагъ назадъ, оступилась и упала на землю.

Первымъ движеніемъ маленькаго рыбака было кинуться къ ней на помощь; онъ поднялъ ее. Она нигдѣ не ушиблась, но падая разорвала покрывало, защищавшее ея бѣленькое и свѣженькое личико отъ палящихъ лучей южнаго солнца. Это обстоятельство, по видимому, ее очень огорчило; послѣ напрасныхъ стараній соединить разлетавшіеся куски покрывала, она стала искать рукою въ волосахъ золотую стрѣлку, обыкновенное украшеніе Итальянокъ знатнаго происхожденія, и, не нашедши ея вѣроятно потому, что позабыла ее дома, съ досады топнула ногой.

Рыбакъ сейчасъ догадался, чѣмъ можетъ ей услужить, и черная булав-

ка, которую онъ опять выпрямилъ и спряталъ въ своемъ платье, была первая вещь, пришедшая ему въ голову.

— Прекрасная дама, — сказалъ онъ, предлагая ей булавку,—простите меня, я былъ невинною причиной случившагося съ вами несчастія, которое причиняетъ вамъ столько неудовольствія, возьмите эту булавку, поправьте ею, какъ можете, покрывало; но я васъ умоляю объ одномъ: возвратите мнѣ ее, какъ только она вамъ сдѣлается не нужной; она единственное наслѣдство оставшееся мнѣ по смерти моего отца и моей матери.

Эти слова, произнесенныя голосомъ выражавшимъ и почтеніе, и любовь, и горесть, казалось, произвели впечатлѣніе на молодую даму.

Она, краснѣя, приняла булавку отъ

Жоани, и, поправивши покрывало, сняла съ своей хорошенькой ручки брилліантовый перстень.

— Возьмите это въ залогъ,—сказала она ему,—чрезъ три дня придите сами во Флоренцію за своей булавкой во дворецъ Великаго Герцога; показавши этотъ перстень, вы всюду будете пропущены.

Жоани колебался, брать или не брать такую дорогую вещь.

— Возьмите,—присовокупила она,—возьмите; свита моя приближается; то, что я вамъ даю, въ моихъ глазахъ не стоитъ того, что вы мнѣ дали.

Рыбакъ взялъ перстень.

Въ это время подъѣхала многочисленная свита незнакомки.

— Дайте мнѣ вашу лошадь, графъ

Теобальди, она очень смирна и потому мнѣ нравится.

— Я буду очень счастливъ, — отвѣчалъ графъ, —исполнить ваше желаніе.

— Боже мой! кто же она? — проговорилъ въ полголоса Орбителло, и, склонивъ голову на грудь, нѣсколько минутъ стоялъ въ раздумьи. Когда же онъ опять поднялъ глаза, то былъ уже одинъ; ни кого возлѣ него небыло. Только вдали слышенъ былъ конскій топотъ, говоръ нѣсколькихъ голосовъ и вѣтерокъ, играющій поверхностію рѣки.

— Великій Боже! кто же она?—повторилъ рыбакъ, и, не смотря на безпорядочное состояніе своихъ мыслей, опять взялся за удочки. Рыбы ли было меньше обыкновеннаго, или онъ удилъ не съ такой ловкостью, только

Жоани вечеромъ возвратился домой съ пустой корзинкой.

Также мало благопріятствовало ему счастіе въ продолженіи двухъ слѣдующихъ дней, предшествовавшихъ свиданію, назначенному незнакомкой. Онъ долго разсуждалъ самъ съ собою, прежде нежели рѣшился идти въ городъ; но собственное его желаніе получить назадъ булавку, конечно, при томъ и Божія воля взяли верхъ надъ всѣми его предубѣжденіями, и сирота отправился въ городъ.

Безъ большаго труда отъискавъ дворецъ, онъ прямо пошелъ къ главному подъѣзду, и перстень въ самомъ дѣлѣ послужилъ ему талисманомъ. Его удивленіе возрастало болѣе и болѣе, когда лакеи въ богатыхъ ливреяхъ, водили его по комнатамъ, убраннымъ и укра-

шеннымъ всѣмъ тѣмъ, что только могла придумать роскошь. Послѣ множества переходовъ и поворотовъ, проводникъ его вручилъ перстень дамѣ, которая тотчасъ ввела Жоани къ видѣнной имъ прежде молодой особѣ.

Это была Принцесса Амалія, дочь Правителя Тоскапскаго. Увидя маленькаго рыбака, она быстро встала со стула, и обращаясь къ окружавшимъ дамамъ, сказала:

— Вотъ ребенокъ, которому принадлежитъ черная булавка. Я хочу сдѣлать его пажемъ на мѣсто Фрелло Бастара. Желаете ли вы поступить ко мнѣ въ услуженіе?—сказала она Жоани.

— Принцесса, — отвѣчалъ онъ, — воспитанный въ далекѣ отъ свѣта, я боюсь, что дурно исполню возложен-

ныя на меня обязанности. Можетъ быть, вы будете мною не довольны...

— Отвѣтъ вашъ показываетъ много ума и скромности, — отвѣчала Принцесса, — но вы подумайте, мой другъ; вамъ стоитъ сказать только одно слово и вы будете принадлежать мнѣ.

Жоани поклонился, изъявляя тѣмъ свое согласіе. Внезапно выведенный судьбою изъ крайней бѣдности, чтобы занять мѣсто, посреди великолѣпнаго двора; онъ едва вѣрилъ своему счастію и считалъ все видѣнное имъ за сонъ.

— Какъ васъ зовутъ? — спросила Амалія.

— Жоани Орбителло.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Двѣнадцать.

— Мы состарѣемся почти въ одно

время,—сказала, смѣясь, дочь Герцога, — я только четырьмя годами старше васъ.

Она сдѣлала сиротѣ много вопросовъ; на все онъ отвѣчалъ умно и скромно; короче сказать, съ этого дня онъ находился въ числѣ пажей Принцессы Амаліи, съ соизволенія самого Правителя. И говорить не нужно, что булавка была ему возвращена; но умолчать нельзя того, что Принцесса возвратила ее ему пришпиленною къ богатому платью, въ карманѣ котораго находился кошелекъ полный золота.

— Ну что, дѣти мои? — спросила добрая Берта, взявъ въ одну руку табакерку, а другой снимая очки.

Отвѣтомъ было ей общее восклицаніе: какъ это мило, няня! какъ это хорошо! но развѣ ты кончила?

—Нѣтъ! нѣтъ! но дайте мнѣ немного перевести духъ, я долго говорила и устала.

Отдохнулъ съ полчаса времени въ продолженіи котораго Вася, Коля и Соня разсуждали между собой объ удивительныхъ приключеніяхъ Жоани, няня стала продолжать свой разсказъ:

— Графъ Теобальди составилъ самый черный заговоръ противъ Герцога. Орбителло проникнулъ его замыслы и, по неопытности, не приготовивъ свидѣтелей, донесъ обовсемъ своимъ благодѣтелямъ. Хитростію, ловкостію и пронырливостію Теобальди выпутался изъ затруднительнаго положенія, остался чистъ и даже всю вину свалилъ на невиннаго доносчика, который былъ изгнанъ изъ дворца и принужденъ опять приняться за старое свое ремесло.

Возвратившись къ берегамъ уединеннаго Арно, бѣдный Жоани съ удочкой въ рукахъ и съ головою, полною воспоминаній, часто думалъ о прошедшемъ и о необыкновенныхъ случаяхъ, часто встрѣчавшихся въ его жизни; но въ будущности готовилось ему еще болѣе приключеній.

Прошелъ уже цѣлый годъ послѣ изгнанія его, когда Герцогу захотѣлось по охотиться; онъ выбралъ для того именно тѣ окрестности, гдѣ молодой рыбакъ тихо и скромно поживалъ, занимаясь своимъ дѣломъ.

Однажды Герцогъ погнался за раненнымъ вепремъ; не замѣтивъ, въ пылу охоты, что далеко ускакалъ отъ своей свиты, онъ сталъ нагонять звѣря, и въ ту самую минуту, когда хотѣлъ нанести ему рѣшительный ударъ,

упалъ съ лошади. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста, гдѣ все это происходило, Орбителло, по обыкновенію, удилъ рыбу. Онъ все видѣлъ; забывъ претерпѣнное имъ зло и помня одни только благодѣянія, онъ бросился на вепря и началъ съ нимъ бороться, выручивъ такимъ образомъ изъ опаснаго положенія Герцога, который, между тѣмъ, успѣлъ вытащить свой кинжалъ и поразить дикаго звѣря въ сердце.

— Клянусь честію! ты мнѣ великодушно помогъ, любезный другъ,—сказалъ Герцогъ, вставая и толкая ногой кабана, покрытаго пѣной и кровью.

— Съ какимъ сильнымъ животнымъ мы сладили вдвоемъ! Кто ты? я хочу, какимъ бы то ни было образомъ, показать тебѣ мою благодарность.

— Ваша Свѣтлость, не узнаете ме-

ня? отвѣчалъ сирота, —я—Орбителло, бывшій пажъ вашей дочери.

— А! такъ это вы?—сказалъ Герцогъ,—тѣмъ лучше! я часто вспомнилъ о васъ. Съ того времени, какъ вы оставили насъ, обвиненія безпрестанно повторялись и все противъ графа Теобальди. Что же вы теперь дѣлаете?

— Я опять взялся за рыболовство.

— Такой безстрашный человѣкъ, какъ вы, не долженъ вести войны съ однѣми рыбами. Когда нибудь отечество будетъ нуждаться въ вашихъ услугахъ; я дѣлаю васъ капитаномъ моей гвардіи; обязанностей вы небудете исполнять до совершеннолѣтія. Пріѣхавши во Флоренцію, поспѣшите представиться Принцессѣ Амаліи; она васъ все еще очень любитъ. Пойдемте со мной.

Слишкомъ много нужно было бы времени, чтобы слѣдить шагъ за шагомъ за судьбою нашего героя, въ продолженіи десяти лѣтъ, которыя прошли безъ особенныхъ приключеній. Достойно замѣчанія только то, что по всему герцогству разнесся слухъ, что дочь Правителя въ тайнѣ любитъ одного изъ капитановъ Герцогской гвардіи, столь же храбраго, какъ прекраснаго и благороднаго.

Этотъ капитанъ былъ Орбителло.

Однажды Жоани сидѣлъ за Герцогскимъ столомъ, возлѣ графа Теобальди.

Во дворцѣ было празднество, и было большое собраніе; всѣ предались веселію—обыкновенное слѣдствіе, хорошаго обѣда, пріятныхъ разговоровъ и рѣдкихъ винъ, которыхъ было въ

изобилiи. Подъ конецъ обѣда дамы встали изъ-за стола, чтобы идти отдохнуть, и одна изъ нихъ, самая милая, самая прекрасная, выходя изъ залы, не почла для себя унизительнымъ бросить украдкой взглядъ на прежняго рыбака. Но Орбителло сидѣлъ съ серiознымъ видомъ и, слѣдя за каждымъ движенiемъ Графа Теобальди, сидѣвшаго у него по правую руку, казалось, едва былъ въ состоянiи скрывать сильное внутреннее волненiе. Вдругъ онъ услышалъ, что графъ громко спросилъ, у дворецкаго бокалъ фалернскаго вина.

— Клянусь! — сказалъ графъ,— добрыя французскiя вина достоинствомъ своимъ не перещеголяютъ нашихъ, и Везувiй хотя похожъ на дьявола, стоитъ однакожъ выше, нежели

Бургундская деревушка! Я предлагаю тостъ нашимъ собственнымъ, роднымъ италіанскимъ виномъ за здравіе нашего милостиваго Герцога Правителя и его любезной дочери.

Эти слова были приняты и повторены съ восторгомъ; бокалы наполнились до краевъ и всѣ стали чокаться.

Правитель уже подносилъ къ губамъ свой кубокъ, какъ вдругъ Орбителло съ быстротою молніи бросилъ въ вино черную булавку, ту самую, которая уже играла столь важную роль въ прошлой его жизни; молодой офицеръ схватилъ за руку Герцога, который вскрикнулъ:

— Что это такое? что за странная приправа къ доброму вину? что вы бросили въ этотъ нектаръ? Развѣ вы не хотите,

Орбителло, пить со мной за здоровье моей дочери, Амаліи.

— Простите меня, Ваша Свѣтлость! но не прикасайтесь къ этому напитку,—вскричалъ Жоани, обнажая шпагу и призывая громкимъ голосомъ гвардію. Въ одну минуту зала наполнилась солдатами.

— Схватите Графа Теобальди,—закричалъ Жоани: Герцогъ!—продолжалъ онъ, обращаясь къ Правителю,—въ вашемъ кубкѣ отрава; этотъ извергъ замышлялъ противъ вашей жизни. Прикажите, обыскать домъ Графа Теобальди и его приверженцевъ.

— Въ часовнѣ Св. Августина, найдется оружіе, которое хотѣли раздать злодѣямъ, долженствовавшимъ напасть на наши войска. Въ послѣдствіи вы узнаете всѣ подробности заговора; а

теперь я хотѣлъ только имѣть явныя доказательства, чтобы измѣнникъ не могъ опять ловкой и хитрой уверткой скрыть свои злодѣянія; въ особенности, если бы я вамъ все преждевременно открылъ.

Гонцы съ приказаніями были тотчасъ разосланы, по всѣмъ направленіямъ, чтобы захватить виновныхъ; Графъ Геобальди и сообщники его получили достойное наказаніе, ожидающее всѣхъ измѣнниковъ противъ своего Государя и отечества.

Въ ту самую ночь, когда открылся заговоръ, Герцогъ позвалъ къ себѣ Жоани.

— Маркизъ д' Орбителло — сказалъ онъ ему, прижимая его къ своей груди, — когда первые лучи солнца разсѣютъ ночную мглу, вы станете чле-

номъ моего семейства, моимъ сыномъ.

Дочь моя Амалія открыла мнѣ, что она давно васъ любитъ; я съ радостію отдаю вамъ ея руку.

Вы достойны быть моимъ сыномъ и моей подпорою въ старости. Будьте же на вѣки счастливы.

Этимъ добрая Берта окончила свой разсказъ. Дѣти, поцѣловавъ почтенную нянюшку, разошлись спать, надѣясь увидѣть во снѣ удивительнаго рыбака и его черную булавку.

Богданъ.

I.

Отправленіе.

— Гмъ! Вотъ туманъ, который ничего хорошаго не предвѣщаетъ. Какъ ты думаешь, Пишаръ?

— Да гдѣ же ты видишь туманъ?

— Вонъ тамъ, на востокѣ... да и темно-красный цвѣтъ заходящаго солнца мнѣ вовсе не нравится... Быть погодѣ, я въ этомъ увѣренъ.

— Ты порядочный трусъ, Барду!

— Брани меня, сколько хочешь, Пишаръ, но это нисколько не мѣшаетъ мнѣ повторить, что погода будетъ скверная... и я прозакладую мою трубку на твою, что черезъ три часа мы въ двухъ шагахъ отъ себя ничего не увидимъ, и намъ нельзя будетъ закинуть сѣти.

— Ба!... да развѣ можно обращать вниманіе на такія бездѣлицы, когда идетъ дѣло о такой важной для насъ спекуляціи.

— Конечно дѣло-то хорошее, за нашу ловлю заплачено впередъ...

— Сто экю! цѣна ужасная! и не считая, будетъ ли удача, или нѣтъ.

— Но знаешь ли что, Пишаръ? Мнѣ кажется, дѣло нечисто; этотъ незнакомецъ, очень хорошо одѣтый, кото-

рый Богъ знаетъ откуда взялся, такъ неожиданно, присосѣдился къ намъ въ гавани; уговорилъ насъ идти въ море и заплатилъ триста франковъ за ловъ, который, какъ онъ самъ, вѣроятно, знаетъ, не можетъ быть хорошъ. Посмотри, что̀ за погода, а онъ долженъ же понимать наше ремесло: у него всѣ ухватки моряка.

— Оттого-то я нисколько не боюсь и взялся за дѣло съ радостію... сто экю! Должно быть, этотъ молодецъ страстно любитъ рыбу.

— А почему знать! у него, можетъ быть, какой нибудь тайный замыселъ... Развѣ ты не замѣтилъ, какъ онъ распрашивалъ насъ о Жеромѣ Ледрю.

— Ну чтожъ! онъ спрашивалъ насъ, честенъ ли Жеромъ, можно ли на него положиться, женатъ ли онъ, имѣетъ

ли дѣтей, богатъ или бѣденъ; больше онъ ничего не спрашивалъ.

— Мнѣ кажется, что и этаго довольно. Потомъ, зачѣмъ онъ велѣлъ намъ взять Жерома съ собой и раздѣлить съ нимъ триста франковъ.

— Потому что... потому что, — отвѣчалъ запинаясь Пишаръ,—ну потому что, все, что мы говорили о немъ, ему понравилось и онъ захотѣлъ, чтобы Ледрю раздѣлилъ съ нами наше счастіе... сто экю! есть чѣмъ поживиться! А между тѣмъ, все, что ты ни говоришь, ни къ чему не послужитъ: намъ заплатили, и мы должны отправиться; а если не хочешь, то оставайся дома, и какъ лѣнтяй ложись спать.

— Нѣтъ, братъ, спасибо!

— Ну такъ скорѣе за дѣло! Мы въ полночь должны быть въ открытомъ

море, теперь уже семь часовъ, а до хижины Ледрю довольно далеко и намъ остается пройти порядочно.

Барду ничего на это не отвѣчалъ; возраженія Пишара на него подѣйствовали: имъ заплатили, надобно было принести рыбы.

Барду и Пишаръ, какъ уже видно изъ ихъ разговора, оба были рыбаки. Барду былъ постарше и постепеннѣе; открытое лице Пишара показывало, что онъ также добрый и честный малый. Вотъ все, что̀ о нихъ можно сказать. Они, молча, прибавили шагу; послѣ выхода ихъ изъ Діэпской гавани это была первая минута молчанія.

Спустя полчаса, они подошли къ довольно бѣдной на видъ хижинѣ, возлѣ которой были развѣшаны сѣти. Мѣ-

сто, гдѣ стояла лачужка Ледрю, отстояло болѣе чѣмъ на милю, отъ всякаго жилья; но для рыбака оно было очень удобно. Защищенная отъ бурь высокими скалами, хижина стояла возлѣ маленькаго залива, въ которомъ лодка рыболова была въ совершенной безопасности отъ сильнаго волненія. Кругомъ хижины разбросано было нѣсколько деревьевъ; маленькой садикъ, разбитый самимъ Ледрю, очень оживлялъ мѣстность.

Когда Барду и Пишаръ прибыли, уже совершенно смерклось; ни что не возмущало тишины и спокойствія, кромѣ всплеска волнъ о скалы и крика чаекъ, предвѣщавшихъ бурю.

— Вотъ мы и пришли! — вскричалъ Пишаръ, у котораго надежда на прибыль отняла слухъ и зрѣніе, онъ да-

же не слышалъ криковъ зловѣщихъ птицъ. Барду разсуждалъ иначе: онъ внимательно прислушивался къ отдаленному завыванію вѣтра, который только въ эту минуту сдѣлался чувствителенъ; сомнительно покачивалъ головой, но ничего не говорилъ, опасаясь новыхъ насмѣшекъ своего товарища.

— Гей, Ледрю! — закричалъ Пишаръ, стучась кулакомъ въ дверь. Послышалось ворчаніе собаки.

— Кто тамъ?—спросилъ Ледрю, не отворяя.

— Мы, друзья, Барду и Пишаръ; добрыя вѣсти!... отворяй скорѣе.

— Кушъ, Гроньяръ! молчи,—сказалъ Ледрю собакѣ, которая не переставала лаять. Онъ отворилъ двери.

— Какая скверная собака твой

Гроньяръ,—сказалъ Пишаръ, входя въ комнату.

— Онъ старый товарищъ, хорошо исполняетъ свои обязанности и не забываетъ, что мнѣ обязанъ жизнію. Бѣдный Гроньяръ, — сказалъ Ледрю, лаская собаку.

— Поди-ка сюда,—сказалъ Барду собакѣ,—развѣ ты не узнаешь друзей.

— Ну, да теперь не въ этомъ дѣло,—перервалъ Пишаръ,—есть новости; можно заработать сто франковъ.

И онъ объяснилъ все дѣло, пропуская однако замѣчанія Барду, который не повторялъ ихъ; но Ледрю давно привыкъ къ морю и очень хорошо видѣлъ сомнительное состояніе стихій.

— Гмъ!... Гмъ! надобно хорошенько подумать,—сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,—ночью море бу-

детъ не очень спокойно... да вотъ и вѣтеръ загудѣлъ... ну, да что же? присовокупилъ онъ, подумавъ немного,—дурная ночь живо пройдетъ, а сто франковъ не скоро найдешь... деньги въ наше время стали очень рѣдки... я согласенъ.

— Браво! ай да молодецъ,—закричалъ Пишаръ, хлопая въ ладоши,—на, возьми свою часть: намъ заплатили впередъ.

— Постойте же,—сказалъ Ледрю,—дайте мнѣ проститься съ женой и дѣтьми, а тамъ и въ дорогу. Мы должны воспользоваться отливомъ, онъ какъ разъ вынесетъ насъ въ море, времени даромъ терять нечего... Маріанна! Маріанна!

Чрезъ нѣсколько минутъ вошла въ комнату молодая женщина, просто, но

чисто одѣтая; она держала на рукахъ двухъ дѣтей.

— Ты звалъ меня, Жеромъ?

— Да... жена, поди сюда... вотъ товарищи предложили мнѣ выгодное дѣло... прибыль самая вѣрная; вотъ и деньги... поцѣлуй меня, пожелай мнѣ счастія и дай мнѣ обнять ребятъ...

Онъ нѣжно перецѣловалъ жену и дѣтей.

— Теперь жена, ступай спать; покойной ночи!

Но Маріанна неподвижно стояла и глядѣла на своего мужа, какъ бы желая удостовѣриться въ истинѣ его словъ.

— Но... но развѣ ты забылъ,—сказала она чуть слышно,—что ты только сейчасъ сожалѣлъ объ участи тѣхъ, ко-

торые въ нынѣшнюю ночь пойдутъ въ море?

— Ба!... что за ребячество!

— Твои собственныя слова, Жеромъ, были: ночь будетъ сквернѣйшая и много рыбаковъ пойдутъ раковъ ловить.

— Сказки!... пустяки!...

— Ахъ, нѣтъ!.. нѣтъ... я просила тебя не выходить въ море и ты обѣщался мнѣ...

— Конечно прежде, я и не отговариваюсь, но теперь совсѣмъ иное дѣло... я поѣду.

— Умоляю тебя, Жеромъ,—сказала испуганная женщина,—именемъ твоихъ дѣтей.

— Ты напрасно пугаешься, Маріанна,— отвѣчалъ Ледрю, потихоньку отталкивая ее,—ну, друзья, за работу.

Онъ отворилъ дверь и вышелъ съ обоими рыбаками.

— Сюда, Гроньяръ!... прощай жена! прощай... ложись спать.

Маріанна никогда не противилась волѣ своего мужа; она молча возвратилась въ хижину, крупныя слезы висѣли у нея на рѣсницахъ.

— Она говоритъ правду, Ледрю, теперь довольно опасно выйти въ море,—сказалъ Барду.

— Очень хорошо знаю... но что же дѣлать? Когда есть жена и дѣти, надобно заработывать деньги, чтобы ихъ кормить и одѣвать.

— Ну, да пойдемте!... Авось, Богъ насъ защититъ.

Они спустились къ берегу и шли вдоль моря до шлюбки. Цѣлый часъ прошелъ въ приготовленіяхъ, необхо-

димыхъ передъ отправленіемъ, потомъ Ледрю, Пишаръ, Барду, незабывая и Гроньяра, усѣлись въ лодку и въ минуту были отнесены отъ берега сильнымъ теченіемъ. Кто знаетъ? можетъ быть и навсегда. Туманъ въ это время прочистился, а вѣтеръ засвѣжѣлъ.

Маріанна, издалека слѣдившая за малѣйшимъ ихъ движеніемъ, горько заплакала, когда увидѣла, что они удаляются и, поцѣловавъ дѣтей, сказала:

— Бѣдняжки! дай Богъ, чтобы съ восхожденіемъ солнца вы не были сиротами!

II.

НЕЖДАННЫЙ ГОСТЬ.

Оставшись одна, Маріанна стала ужасно безпокоиться. Войдя въ свою комнату, она, можетъ быть, въ первый разъ послѣ свадьбы, непослушалась своего мужа и не легла спать. Но могла ли она предаться покою, когда существо, близкое ея сердцу, подвергалось явной опасности? Вѣтеръ дулъ съ неимовѣрной силой и раскачивалъ дверь хижины, худо прикрѣпленную

на петляхъ къ стѣнѣ. Съ ужасомъ прислушивалась она къ усиливающейся бурѣ; страшась за драгоцѣнную ей жизнь.

— Бѣдный Жеромъ!...опасное ремесло! Боже мой! вѣтеръ усиливается!... мой мужъ! Буря!... о, я не въ силахъ болѣе терпѣть!

Полная вѣры и набожности, Маріанна, въ это ужасное для нея время, обратилась къ Тому, который утѣшаетъ всѣхъ въ горести; теперь молитва была для нея единственнымъ спасеніемъ.

Мы не станемъ ей мѣшать и покуда окинемъ взглядомъ ея жилище. Семейство Жерома состоитъ изъ двухлѣтняго мальчика, который сладко спитъ въ своей колыбелькѣ возлѣ пустой постели отца, и грудной дѣвоч-

ки. Дѣти много дѣлаютъ заботъ своимъ родителямъ, но нисколько имъ не въ тягость. Внутренность хижины непоказываетъ большой бѣдности; ясно, что трудная работа вознаграждаетъ рыбака, но нигдѣ, однакоже, нѣтъ излишества и по всему видно, что въ ней живетъ человѣкъ, въ потѣ лица добывающій себѣ пропитаніе.

Познакомившись съ жилищемъ и семействомъ рыбака, не надолго оставимъ ихъ, и обратимся къ лодкѣ, которая быстро несется вдоль берега. Четыре искусныхъ гребца, не смотря на свѣжесть вѣтра, направляютъ ее ко входу маленькаго залива, возлѣ котораго стоитъ хижина Ледрю. Въ кормѣ сидятъ два человѣка, они между собой разговариваютъ шепотомъ, нежелая, вѣроятно, чтобы гребцы ихъ слышали.

— И такъ ты вполнѣ увѣренъ, что видѣлъ, когда они отправились въ море?—спросилъ одинъ изъ нихъ, довольно повелительнымъ голосомъ.

— Такъ точно, капитанъ, я видѣлъ шлюбку; они были на ней, она быстро пронеслась въ море; вѣтеръ и теченіе имъ способствовали. Но теперь вѣтеръ вдругъ перемѣнился, — отвѣчалъ другой; то былъ Негръ.

— И ты думаешь, что они недалеко отошли отсюда?

— Нѣтъ, капитанъ, невозможно; теперь вѣтеръ противный.

Негръ вдругъ вскочилъ, поднялъ руки къ глазамъ, дѣлая изъ нихъ зрительную трубу, чтобы лучше разсмотрѣть предметъ, который бросился ему въ глаза.

— Если я не ошибаюсь, — сказалъ

онъ, чрезъ нѣсколько минутъ, — они только на пушечный выстрѣлъ отъ нашего корабля.

Говоря это, онъ указалъ рукой на судно, которое стояло на якорѣ, въ мили разстояніи отъ нихъ, и котораго мачты могъ разглядѣть только человѣкъ, одаренный такимъ удивительнымъ зрѣніемъ.

— Отдалитесь отъ нихъ! — тотчасъ сказалъ капитанъ, не желая, чтобы ихъ видѣли, — да гребите тише, такъ, какъ гребете, скрываясь отъ сыщиковъ.

Въ это время послышались крики ребенка; они выходили изъ большой корзины, лежавшей у ногъ капитана.

— Ну, Пиджи, скорѣй, дитя проситъ пить,—сказалъ капитанъ, обращаясь къ Негру, который тотчасъ взялъ

ребенка на руки и сунулъ ему въ ротъ стклянку съ молокомъ. Онъ исполнилъ это съ такою ловкостію, что не отсталъ бы отъ любой кормилицы.

— Проклятый мальчикъ! — сказалъ капитанъ вслухъ, хотя онъ вѣрно не желалъ сообщать своихъ мыслей другимъ, — сколько онъ мнѣ надѣлалъ хлопотъ... Я конечно могъ убить его... бросить въ море... отецъ его умертвилъ же моего сына!... но мой бѣдный Жоржъ былъ въ лѣтахъ и могъ защищаться... а этому нѣтъ еще года... Оно было бы слишкомъ жестоко съ моей стороны. Нѣтъ, нѣтъ, ребенокъ мнѣ ничего не сдѣлалъ... всю ненависть, все мщеніе я обращу на человѣка, который погубилъ моего сына.

И улыбка радости засіяла на его лицѣ.

— Онъ узнаетъ, что̀ значитъ мщеніе Смитсона.

— Капитанъ!... я вижу стражу на берегу, — сказалъ Негръ, показывая на черную едва видную, точку на землѣ.

— Береговая стража!... Джонсонъ, возьми руль!

Одинъ изъ гребцовъ, оставилъ весло и сѣлъ на руль.

— Въ открытое море!

Приказаніе было тотчасъ исполнено и шлюбка пошла назадъ.

— Хорошо! — сказалъ капитанъ, — Пиджи, возьми почную трубу и наблюдай за ними.

— Они прошли мимо! — сказалъ не много погодя Негръ.

— Джонсонъ, теперь, по старому направленію, къ берегу!

Вѣтеръ былъ теперь въ полной сво-

ей силѣ, и шлюбка съ трудомъ двигалась; но чрезъ полчаса она вошла въ маленькой заливъ.

Возвратимся къ Маріаннѣ; она все еще продолжаетъ молиться.

— Боже мой! — говоритъ она,—помилуй меня, возврати мнѣ моего бѣднаго Жерома; не допусти несчастнымъ дѣтямъ лишиться отца...

Она еще не кончила молитвы, какъ сильный ударъ въ дверь заставилъ ее вскочить, и она съ трепетомъ схватилась за сердце. Стукъ повторился.

— Кто тамъ? — спросила она наконецъ, дрожа отъ страха.

— Заблудившійся путешественникъ, который желаетъ пріютиться на нѣсколько минутъ, — отвѣчалъ голосъ снаружи, — дождь льетъ какъ изъ ведра...

— Я немогу... я незнаю, — проговорила запинаясь Маріанна.

— Жена моряка откажетъ ли моряку? — продолжалъ голосъ, — вспомните, можетъ быть, и Жерому Ледрю когда нибудь понадобится пріютъ.

Имя мужа ея, произнесенное въ то самое время, когда она трепетала за его жизнь; мысль, что и ему когда нибудь, можетъ быть, придется просить пріюта, все это заставило ее, хотя со страхомъ отворить дверь незнакомцу. — Вошелъ капитанъ; онъ въ рукахъ держалъ корзинку, служившую колыбелью ребенку.

— Извините меня, пожалуйста, — сказалъ онъ ей очень вѣжливо, — извините, что я васъ обезпокоилъ въ такой часъ ночи; но погода такъ дурна...

И какъ-будто въ подтвержденіе его

словъ, буря, которая начинала нѣсколько утихать, въ ту самую минуту, такъ сказать, снова встрепенулась, и разъигралась съ такой силой, что маленькая хижина дрожала на своемъ основаніи.

— Боже мой! Боже мой! помилуй его! — вскричала бѣдная женщина въ отчаяніи.

— Вы за кого-нибудь страшитесь сударыня?

— За мужа моего... онъ въ морѣ...

— Успокойтесь, это не буря,... а маленькой порывъ вѣтра, шквалъ... онъ долго не продлится... ну посмотрите, вотъ и стихаетъ... если еще у вашего мужа хорошее судно, то ему не предстоитъ никакой опасности...

— Благодарю васъ! сердечно бла-

годарю за надежду, воскресшую въ моемъ сердцѣ... но вы знаете Жерома?... вы, кажется, произнесли имя его.

— Мнѣ его назвали сегодня въ гавани, объ немъ всѣ очень хорошо отзываются; это понудило меня придти къ вамъ.... я не случайно сюда попалъ, а пришелъ нарочно, чтобы довѣрить вамъ корзину. въ которой лежитъ кладъ... вещь очень дорогая, и я прошу васъ ее сберечь...

— Но я не смѣю въ отсутствіи моего мужа...

— Прощайте, сударыня,— сказалъ незнакомецъ и, не давъ ей времени опомниться, всталъ и быстро вышелъ изъ комнаты.

— Послушайте, — кричала Маріанна бросившись ему вслѣдъ,—послушайте...

Но незнакомецъ пропалъ уже изъ

виду и Маріанна тотчасъ услышала мѣрные удары веселъ, которые мало-по-малу утихали въ отдаленіи. Возвратясь въ хижину, она услышала плачь ребенка; побѣжала къ постелѣ сына, къ колыбели дочери, но оба спали крѣпкимъ сномъ. Она вспомнила о корзинѣ, открыла ее и нашла въ ней ребенка, не болѣе года отъ роду; возлѣ ребенка лежала бумага, которую она тотчасъ прочитала; содержаніе ея было слѣдующее: „Берегите этого мальчика и воспитайте, какъ своего сына, т. е. сдѣлайте изъ него хорошаго моряка... никому не разсказывайте, какъ онъ къ вамъ попалъ,—никому рѣшительно, если вы хотите, чтобы онъ остался живъ... за вами будутъ наблюдать. День, въ который вы хоть сколько нибудь обнаружите

тайну, будетъ днемъ его смерти... не старайтесь узнать, кто онъ таковъ и кто его родители... помните одно, что Богъ вамъ его послалъ и примите его какъ даръ Божій."

— Бѣдное, беззащитное существо... оставленное своими родителями!.. я буду твоей матерью, я... Жеромъ меня за это бранить не станетъ. Бѣдняжка! только ему придется больше работать, вотъ и все... мнѣ сказали, что тебя Богъ намъ далъ, такъ я назову тебя Богданомъ.

Она расцѣловала ребенка, который не переставалъ плакать; потомъ, чтобы начать исполненіе своихъ обязанностей, накормила его своею грудью. День засталъ ее за этимъ добрымъ дѣломъ, и, успокоивъ мальчика, она

хотѣла броситься на постель, чтобы отдохнуть отъ страха и безсонницы, какъ вдругъ знакомый лай заставилъ ее броситься къ дверямъ.

— Гроньяръ!... Гроньяръ!—вскричала она съ радостію,—мой бѣдный Ледрю уцѣлѣлъ.

Она отворила дверь ... вбѣжала одна собака, вся мокрая и чуть дыша отъ усталости.

— Боже мой! отчего ты одинъ? Гдѣ хозяинъ, Гроньяръ?—сказала она съ ужасомъ.

Умное животное, будто понимая вопросъ своей хозяйки, жалобно, завыло.

— Милосердое небо! неужели онъ утонулъ? Ледрю! Ледрю!...—закричала она, и почти безумная отъ отчаянія, побѣжала къ берегу. Шлюбки не-

было тамъ, гдѣ она обыкновенно стояла, и не было замѣтно ни какихъ признаковъ возвращенія рыбаковъ. Не было больше сомнѣнія; Гроньяръ возвратился одинъ вплавь; а рыбаки...

Несчастная Маріанна проплакала цѣлый день, но все еще питала надежды; но прождавши всю ночь, на другой день она стала, терять надежду и все плакала... на третій, она болѣе не сомнѣвалась въ своемъ несчастіи. Тогда горесть ея стала молчаливѣе и тише; она столько уже пролила слезъ, что онѣ изсякли, по цѣлымъ часамъ она сидѣла неподвижно и почти безсознательно глядѣла на бушующее море. Опасались, чтобъ она не сошла съ ума. Но вѣра и надежда на благость Провидѣнія спасли ее; она стала молиться, слезы опять показа-

лись на глазахъ, и она покорилась своей участи.

— Семейство мое увеличилось ребенкомъ,—говорила она самой себѣ,—мужъ мой утонулъ... Да будетъ воля Божія.

III.

ЕЩЕ НЕСЧАСТІЕ

и

НАДЕЖДА.

Смерть Ледрю произвела большую перемѣну въ его до сихъ поръ счастливой жизни. Тихая и безмолвная печаль заняла мѣсто отчаянія, и сто франковъ, оставленные рыбакомъ Маріанномъ, дали ей возможность безбѣдно прожить два мѣсяца. Но на свѣтѣ

все имѣетъ свой конецъ, и деньги незнакомца мало-по-малу были издержаны; нужно было взяться за работу. Маріанна безъ ропота приняла подарокъ, посланный ей Богомъ, сама кормила Богдана и уже считала его своимъ сыномъ; да и могла ли она поступить иначе? Если бы она обратилась къ начальству, то ей нужно было бы разсказать, откуда взялся ребенокъ; при одной мысли объ этомъ она дрожала отъ страху, вспоминая страшное обѣщаніе незнакомца. Первые два мѣсяца своего вдовства она провела въ совершенномъ одиночествѣ, и единственнымъ развлеченіемъ ей были дѣти. Но когда пришла пора искать работы, она принуждена была идти въ городъ; одѣвшись получше, въ одно утро она отправилась. Дорогою одна

мысль ее мучила: всѣ уже, вѣроятно, знаютъ объ увеличеніи ея семейства; ее закидаютъ вопросами... что она будетъ отвѣчать? — Лгать! — это было противно ея совѣсти и обманывать она не умѣла. Сказать правду! она сдѣлается причиною смерти Богдана, котораго она уже любила, какъ собственнаго своего ребенка. Когда она пришла въ гавань, всѣ обратили на нее вниманіе.

— Это вдова Ледрю, — говорили со всѣхъ сторонъ, — бѣдная женщина! Мужъ ея безъ вѣсти пропалъ въ одну бурную ночь, вмѣстѣ съ Пишаромъ и Барду.

— Это дѣло нечистое,—сказала одна женщина, — и этотъ рыбный ловъ, купленный за триста франковъ и заплаченный впередъ, и этотъ нарядный

господинъ, котораго ни кто не зналъ, и который пришелъ въ гавань, какъ будто для того, чтобы соблазнять людей... да и буря, которая разразилась въ эту ночь... Жусомъ, возвращаясь съ ловли, встрѣтилъ ихъ въ морѣ, они прошли отъ него на разстояніи ружейнаго выстрѣла, онъ окликнулъ ихъ, но они не отвѣчали... все это очень непонятно, вы знаете: лукавый когда захочетъ, бываетъ очень хитеръ.

Маріанна все слышала. Сначала она не могла ничего понять, потому что незнала о предложеніяхъ незнакомца; она разспросила жену Жусома и трактирщика. Узнанныя ею подробности объяснили, что незнакомецъ, предложившій ловлю Пишару и Барду, былъ тотъ самый, котораго она видѣла во время страшной бури, и который ос-

тавилъ у нея Богдана. Дрожь пробѣжала у нея по всѣмъ членамъ, когда она вспомнила слова жены Жусома: „Лукавый очень хитеръ, когда захочетъ.“ Но она тотчасъ прогнала эту мысль, и пошла по гавани просить работы при выгрузкѣ рыбы съ кораблей. Несчастіе ея было извѣстно всѣмъ; сначала ее хорошо принимали, но потомъ, когда увидѣли, что всѣ распросы о неизвѣстномъ ребенкѣ остаются безъ удовлетворительнаго отвѣта, ея стали чуждаться.

— Она не довѣряетъ намъ, — говорили, — пускай ищетъ работы у другихъ.

Особенно женщины, къ которымъ Маріанна обращалась, оскорблялись отказомъ ея разсказать, откуда взялся Богданъ.

Любопытство было возбуждено до высочайшей степени, и цѣлое утро только и было толковъ, что о Маріаннѣ да о таинственномъ ребенкѣ.

Когда вдова Ледрю обратилась къ женѣ Жусома, она нашла ее въ весьма дурномъ расположеніи духа.

— А! это ты, вдова Ледрю, — сказала она, — что тебѣ надобно?

— Я ищу себѣ работы, нѣтъ ли у васъ какой нибудь? — отвѣчала бѣдная Маріанна сквозь слезы, мало ободренная сдѣланнымъ ей пріемомъ, — у меня дѣти, ихъ надобно кормить... а смерть...

— Та!... та!... та!... разсказывай намъ сказки... у тебя должны быть лишнія деньги, если берешь къ себѣ чужихъ дѣтей...

— О, г-жа Жусомъ... если бы вы знали...

— Что?... разскажи мнѣ все, ты можешь быть увѣрена въ моей скромности... ты очень хорошо сдѣлала, что имъ не говорила... это куча болтушекъ... но я...

— И вамъ точно такъ же, какъ и другимъ, ничего немогу сказать; я незнаю, кто онъ и откуда взялся.

— А! если такъ! — сказала жена Жусома презрительно, — такъ я вотъ что̀ тебѣ скажу: про тебя говорятъ, что господинъ, соблазнившій Пишара, Барду и твоего Ледрю, который, надобно правду сказать, былъ честный и добрый малый, приходилъ къ тебѣ въ эту бурную ночь и оставилъ тебѣ этотъ подарокъ... что̀, не правду сказала, голубушка?... а...?

— Я вамъ, сударыня, ничего немогу отвѣчать, и я незнаю, по какому праву...

— По какому праву!... поглядите, пожалуйста... скажите... послушайте, Гертруда, она спрашиваетъ по каму праву, — сказала она, обращаясь къ сосѣдкѣ... — ну, ну, поворачивайся, да отваливай скорѣе... — продолжала она, съ жестокостію обращаясь къ Маріаннѣ, — здѣсь для тебя работы нѣтъ... мы не хотимъ имѣть дѣла съ женщиной, которая имѣетъ связи съ нечистою силой... не слишкомъ много нужно ума, чтобы догадаться, что это значитъ, — она отворила дверь и показала на улицу Маріаннѣ, которая вышла молча и съ отчаяніемъ въ сердцѣ.

— Нѣтъ болѣе никакой надежды!—

вскричала она, подходя къ берегу моря и давъ волю слезамъ, которыя ручьями полились у нея изъ глазъ,—что мнѣ дѣлать?... Боже мой! дай мнѣ силы вынести испытаніе до конца.

Она безмолвно продолжала путь свой, какъ вдругъ услышала, что кто-то ее зоветъ.

— Госпожа Ледрю! Госпожа Ледрю!

Это былъ одинъ изъ рыбаковъ; онъ старался догнать ее. Маріанна остановилась.

— Госпожа Ледрю,—сказалъ добрякъ, по возможности, смягчая, грубый голосъ;—возьмите, это вамъ предлагаютъ Діэппскіе рыбаки... наши жены ничего объ этомъ не знаютъ... Мы согласились между собою... и не хотимъ, чтобы жена одного изъ на-

ихъ товарищей оставалась безъ хлѣба...

Маріанна не имѣла времени отказаться, потому что рыбакъ убѣжалъ, оставивъ у нея въ рукахъ маленькую коробочку, не дожидаясь даже благодарности.

— Благодарю тебя, Создатель мой— сказала она, войдя въ свою хижину и ставъ на колѣни, — я принимаю пожертвованіе рыбаковъ... мой бѣдный Ледрю часто дѣлалъ то, что̀ для меня сегодня сдѣлали.

Она отерла слезы и успокоилась. Благодаря этимъ деньгамъ, держаннымъ съ бережливостію, маленькое семейство могло еще нѣсколько мѣсяцевъ существовать безъ нужды. Но бѣдной женщинѣ готовилось еще ужасное испытаніе. Подходилъ Ива-

новъ день,—срокъ когда хозяева собираютъ плату за наемъ домовъ. Маріанна, занятая своимъ семействомъ и горемъ, совсѣмъ забыла объ этомъ .. и очень удивилась, когда однажды утромъ вошелъ къ ней высокій, худощавый мужчина, въ черномъ платьѣ; это былъ хозяинъ хижины, Діэппскій адвокатъ, человѣкъ жестокій и знающій одну только вещь—деньги.

— Сударыня, я пришелъ узнать, заплотите ли вы...

— Конечно, сударь, но...

— Но... но... тутъ нѣтъ никакого но... есть ли у васъ деньги?...

— Увы! нѣтъ сударь,— сказала Маріанна, устрашенная строгимъ видомъ хозяина.

— Нѣтъ!... ну, такъ вамъ надобно или завтра же заплатить сто франковъ

за наемъ дома, за цѣлый годъ впередъ, или безо всякихъ разговоровъ выйти вонъ!

— Завтра?.. сжальтесь надо мной...

— Сжалиться?...неумѣю,—отвѣчалъ хозяинъ, улыбаясь; онъ былъ очень доволенъ своей остротой.

— И притомъ я очень буду радъ избавиться отъ такого жильца, какъ вы, сударыня... про васъ идутъ очень дурные слухи... говорятъ, что нечистый духъ посѣщаетъ васъ... правда, я этому не вѣрю, — продолжалъ онъ,— но вы понимаете сами, это сильно вредитъ моему домишку, и я увѣренъ, что мнѣ будетъ стоить большаго труда отдать его въ наемъ.

Маріанна тщетно, старалась, умилостивить этого жестокаго человѣка; онъ былъ непреклоненъ. Гроньяръ, будто

бы понимая, въ чемъ дѣло, ворча проводилъ его до дверей.

Слѣдующая ночь для Маріанны была еще ужаснѣе той, въ которую она потеряла своего мужа; но и этотъ ударъ она перенесла съ твердостію и упованіемъ на благость Того, на котораго до сихъ поръ возлагала свою надежду. Несчастная Маріанна, не дожидаясь того, чтобы пришли выгнать ее изъ дому, гдѣ столько лѣтъ жилъ ея любезный Жеромъ, утромъ совсѣмъ семействомъ вышла навсегда изъ своего жилища. Гроньяръ не отсталъ отъ нея и шелъ за нею, показывая два ряда бѣлыхъ острыхъ зубовъ, готовыхъ всегда для защиты своей хозяйки.

Но куда имъ было идти?... Что дѣлать?... пройдя съ милю отъ сво-

его жилища, Маріанна остановилась. Съ той минуты, какъ она отправилась въ путь, она не оглядывалась, боясь, чтобъ видъ любезной хижины не поколебалъ ея рѣшимость. Но теперь, когда хижина давно пропала изъ виду, она можетъ остановиться и подумать о томъ, что ей дѣлать. Она рѣшилась идти къ своей матери въ Байé; тамъ бѣдная вдова надѣялась найти себѣ работу, никому не желая быть въ тягость.

Рѣшившись на это, и зная теперь, куда идти, она чувствовала, что ей стало легче на сердце и продолжала путь своей бодрѣе.

Послѣ часа ходьбы, несчастное семейство подошло къ маленькому лѣсу; вдругъ Гроньяръ поднялъ голову, навострилъ уши, побѣжалъ и въ мину-

ту исчезъ изъ виду. Маріанна, озабоченная неожиданнымъ движеніемъ Гроньяра, и не желая потерять послѣдняго своего защитника, остановилась дождаться его возвращенія. Чрезъ четверть часа, Гроньяръ прибѣжалъ назадъ, держа въ зубахъ платокъ, весь замаранный кровью и грязью. Собака положила его къ ногамъ своей хозяйки и стала весело лаять, бѣгая во всѣ стороны; Маріанна сначала подумала, что на собаку нашелъ припадокъ бѣшенства, но взглянувъ нечаянно на платокъ, она вскрикнула:

— Это платокъ Жерома! гдѣ онъ?... Боже мой! отчего эта кровь?... не убитъ ли онъ?... не живъ ли онъ?... о Боже мой! Боже мой!

Гроньяръ между тѣмъ непереставалъ лаять. Умное животное вдыхало

въ себя воздухъ, стараясь узнать, въ которой сторонѣ можетъ найти своего господина... если только его можно найдти!

IV.

УЧАСТЬ РЫБАКОВЪ.

Оставимъ пока Маріанну между страхомъ и надеждой; оставимъ Гроньяра въ поискахъ за хозяиномъ и постараемся узнать объ участи пропавшихъ безъ вѣсти рыбаковъ. Для этого намъ надобно возвратиться къ тому бурному вечеру, когда они отправились въ море. Пришедши къ берегу, они начали приготовлять шлюбку и съ-

ти: въ этихъ занятіяхъ прошло около получаса.

— Ну, отчаль отъ берега, — сказалъ Ледрю Пишару, когда все было готово.

— Помоги намъ Богъ!—сказалъ Барду нѣсколько дрожащимъ голосомъ.

— Лети по волнамъ моя голубушка,—сказалъ Пишаръ, отвязывая веревку, которою прикрѣплена была лодка, потомъ весело вскочилъ въ нее, вмѣстѣ съ Гроньяромъ, и взялся за весла.

Шлюбка, предавшись волѣ волнъ, такъ быстро понеслась отъ берега, что рыбаки невольно вздрогнули и начали поговаривать, не лучше ли возвратиться къ пристани.

— Тамъ мы будемъ въ безопасности, пока буря пройдетъ,—весело сказалъ Барду, видя, что товарищи не-

вольно стали склоняться къ его мыслямъ.

— Конечно, можетъ быть, только шквалъ, — сказалъ Ледрю ,—но все-таки безразсудно было бы пускаться далѣе; сѣти можно будетъ послѣ закинуть.

Пишаръ не говорилъ ни слова и не противился желанію товарищей, не смотря на его охоту ловить рыбу; сомнительность ихъ положенія заставила даже и его, какъ ни былъ онъ безпеченъ, подумать о возвращеніи. И такъ всѣ трое, съ общаго согласія, приготовились поворотить шлюбку къ берегу; но вдругъ сильный порывъ вѣтра оторвалъ парусъ, который Ледрю неуспѣлъ перенести на другую сторону. Другой порывъ сломалъ мачту и оставилъ несчастныхъ рыбаковъ

на произволъ моря и вѣтра. Въ эту минуту они поняли весь ужасъ своего положенія, искали средствъ избавиться... оставалось только одно... они поспѣшно взялись за весла... но напрасно... И въ самомъ дѣлѣ, что могли сдѣлать слабыя силы трехъ человѣкъ, противу двухъ разъяренныхъ стихій... противу вѣтра и моря?

Увы! это было первымъ звеномъ цѣлой цѣпи несчастій. Если бы не это, Ледрю возвратился бы къ Маріаннѣ; несчастная женщина не имѣла бы лишняго, незнакомаго ребенка и наконецъ не осталась бы безъ пристанища отъ скупости безчеловѣчнаго хозяина. Но въ жизни, отъ бездѣлицы, происходятъ иногда большія несчастія, и въ этомъ случаѣ, порывъ вѣтра, сломленная мачта, были причи-

нами столькихъ слезъ, столькихъ горькихъ минутъ.

Прошелъ цѣлый часъ. Пишаръ и Барду сильно гребли, Ледрю правилъ рулемъ.

— Смѣлѣй, друзья!—вскричалъ онъ,—берегъ недалеко, съ милю — не болѣе; не робѣйте.

Эти слова придали новыя силы рыбакамъ, и они стали сильнѣе налегать на весла.

— Постойте ! — вскричалъ вдругъ Ледрю,—легче! къ намъ идутъ... Шлюбка! мы спасены... Благодарю тебя, о Боже!

— Шлюбка! постойте, я ее окликну,—сказалъ Пишаръ, который, во все время ихъ безнадежнаго положенія, не говорилъ ни слова.—Алло! на шлюбкѣ!.. Алло!

— Въ самомъ дѣлѣ, Пиджи, это они, ты не ошибся,—сказалъ капитанъ на другой шлюбкѣ Негру.

Это былъ Смитсонъ, который только что ушелъ отъ Маріанны.

— Да, капитанъ! что прикажете дѣлать?... оставить ихъ такъ, или отвѣчать на окликъ?

— Отвѣчай!

— Но они тотчасъ догадаются, откуда ребенокъ если возвратятся на берегъ.

— Они никогда не возвратятся. Отвѣчай!

— Алло!... Алло!..—вскричалъ Негръ.

— Они насъ видятъ и услышали,—съ радостію вскричалъ Ледрю,—къ намъ, сюда!

— Идутъ!... идутъ!... къ намъ!—кричали рыбаки.

— Переходите на мою шлюбку! — сказалъ Смитсонъ, когда обѣ лодки сошлись.

— Господинъ, заказавшій рыбу! — вскричали въ одно время Пишаръ и Барду.

— Смитсонъ, контрабандистъ,—сказалъ онъ со смѣхомъ,—которому нужно было васъ удалить, и который проситъ у васъ извиненія за употребленную имъ хитрость.

— Я былъ въ этомъ увѣренъ!—уныло сказалъ Барду.

— Ну, скорѣе! переходите на мою шлюбку. Вы мои плѣнные.

— Ваши плѣнные!—Измѣна!—никогда!—вскричали въ одно время рыбаки.

— Вамъ, можетъ быть, лучше правиться умереть! пожалуй! А смерть вѣрная; на полъ-мили отсюда мое судно

ждетъ меня, если вы не согласитесь, то черезъ четверть часа ядро отправитъ васъ на дно, Пиджи возмется за это дѣло; у него глазъ очень вѣрный.

Что оставалось дѣлать? сопротивляться нельзя, и бѣдные рыбаки молча и съ отчаяніемъ въ сердцѣ исполнили приказаніе Смитсона.

— Ну, вотъ, и славно, вы убѣдились въ истинѣ моихъ словъ, — продолжалъ контрабандистъ:—и, конечно, хорошо сдѣлали... мнѣ нужны искусные матросы; за вѣрность я ихъ награждаю. Ну теперь за весла, гребите...

— А, Гроньяръ!... Гроньяръ! — вскричалъ Ледрю, увидѣвъ свою собаку, оставшуюся на другой шлюбкѣ.

— Греби! — вскричалъ Корсаръ.

— О! умоляю васъ! пожалѣйте бѣдное животное. Гроньяръ, сюда!

Собака бросилась въ море; шлюбка, не останавливаясь, продолжала идти впередъ и вскорѣ пристала къ своему судну. Гроньяръ пропалъ изъ виду; мы знаемъ уже, что̀ съ нимъ случилось.

— Откуда шлюбка?—вскричалъ часовой съ судна контрабандистовъ.

— Смитъ!—отвѣчалъ Пиджи.

— Я привезъ тебѣ добычу, Гарри,—сказалъ Корсаръ, взойдя на палубу, своему брату, который служилъ у него лейтенантомъ,—я тебѣ ихъ рекомендую, и если они будутъ сопротивляться, то не жалѣй.

— Что̀ же я долженъ съ ними дѣлать? — сказалъ Гарри съ досадой, — ты выбралъ хорошее время для привоза рекрутъ: у насъ и то мало припасовъ, съѣздить на берегъ за

провизіей ты не позволяешь... а тутъ еще три человѣка лишнихъ...

— Что̀ дѣлать, Гарри,... что дѣлать,... но чрезъ три дня...

Онъ остановился и, взялъ брата подъ руку, нѣсколько минутъ шепотомъ говорилъ съ нимъ.

— Ну конечно, такъ лучше!... но зачѣмъ же держать этого.

— Послушай, Гарри, сдай команду г-ну Робертсону, и сойди ко мнѣ въ каюту; мнѣ съ тобой нужно поговорить.

Братья довольно долго совѣщались. Корсаръ разсказалъ все, что̀ онъ сдѣлалъ, прибавивъ, что онъ почелъ, за лучшее отдать ребенка на руки бѣднымъ людямъ, нежели умертвить, — вѣдь бѣдняжка не могъ быть причиной смерти его любезнаго сына, Жоржа.

— Въ тебѣ всегда проявляется жалость, — сурово сказалъ Гарри, — ты умѣешь мстить только въ половину.

— А ты всегда безъ жалости, Гарри, сейчасъ видно, что ты вскормленъ молокомъ дикарки.

— Да, вполнѣ ли ты увѣренъ, что подлый врагъ твой Понталбанъ, не найдетъ ни какихъ слѣдовъ своего ребенка.

— Не возможно, Гарри, не возможно!... только три человѣка видѣли меня въ Діэппѣ... Маріанна и два рыбака, которыя здѣсь... и которые долго не увидятъ своей родины... ты знаешь, что я намѣренъ съ ними сдѣлать... третій, Ледрю, мужъ Маріанны, ничего незнаетъ и даже не видалъ меня въ Діэппѣ... но я его все-таки оставлю при себѣ; если онъ ос-

вободится, то все можетъ слишкомъ скоро открыться... ну доволенъ ли ты?... хорошо ли я все устроилъ?

— Очень хорошо, братъ, очень хорошо!... хотя ты и не вскормленъ молокомъ дикарки, но въ жестокости превзошолъ даже меня, потому что вмѣсто того, чтобы отомстить одному, ты сдѣлалъ пятерыхъ несчастными... и ты называешь это человѣколюбіемъ?

Гарри послѣ этой философской выходки хотѣлъ выйдти.

— Куда же ты, братъ?

— Я... иду на верхъ.

— Постой... еще одно слово... похищеніе ребенка надѣлало много шуму въ Сенъ-Піеррѣ. Конечно, всѣ подозрѣнія прямо пали на меня... Когда мы возвратимся, насъ будутъ преслѣдовать... Полталбанъ вооружится

противъ насъ... но это все ничего... одно только меня безпокоитъ, Гарри: если въ сраженіи я погибну... возьмешься ли ты довершить мое мщеніе?

— Непремѣнно возьмусь!

— Клянешься ли ты мнѣ, братъ, любовью твоей къ моему сыну?

— Нѣтъ... но клянусь ненавистію къ Понталбану.

— Я теперь спокоенъ.

Они разсталисъ.

Обратимся теперь къ рыбакамъ. Когда ихъ оставили въ углу палубы, они мало-по-малу пришли въ себя, отъ удивленія и ужаса. Барду и Пишаръ начали сердиться, кричать, осыпать бранью Корсара, который удержавъ ихъ обманомъ, увозитъ, Богъ знаетъ, куда. (Судно уже было подъ парусами, и берегъ скрылся за темнотою.)

Бѣдный Жеромъ былъ очень печаленъ, и горесть его была молчаливѣе; онъ мысленно переносился къ милой женѣ и къ любезнымъ дѣтямъ. — Что съ нею будетъ, бѣдная женщина?.. — думалъ онъ,—одна, безъ помощи, безъ поддержки ... и двое дѣтей ... еще малолѣтнихъ... они существовали моими трудами ... О это ужасно!... ужасно.

Онъ вскакивалъ съ яростію, искалъ глазами оружія, и хотѣлъ умереть, но отомстивши прежде Корсару за все зло, сдѣланное имъ Маріаннѣ.

— Гдѣ онъ!... гдѣ онъ!... — кричалъ онъ, ломая себѣ въ отчаяніи руки, — гдѣ вашъ безчеловѣчный капитанъ?.. Я его убью... я его...

— Джонъ! свяжи этого сумасшедшаго,—сказалъ Робертсонъ боцману.

Ледрю долго защищался, но, не смотря на всѣ его усилія, его связали по рукамъ и по ногамъ; Барду и Пиншаръ напрасно помогали своему товарищу, сила взяла свое и ихъ постигла та же участь.

Въ несчастіи у нихъ оставалось, по-крайней мѣрѣ, одно утѣшеніе: они страдали вмѣстѣ; но, увы! они скоро и этого лишились:

Судно было уже два дня въ морѣ; на третій день они находились въ виду острова Гернзея.

— Спустите шлюбку!—скомандовалъ Гарри.

Чрезъ нѣсколько минутъ шлюбка была готова; въ нее сошелъ Пиджи, который уже получилъ приказанія, и за нимъ снесли связанныхъ Барду и Пиншара. Шлюбка отправилась... часъ

спустя Негръ возвратился вплавь. — Готово!—сказалъ онъ.

— Хорошо,—отвѣчалъ Гарри.

Тщетно Ледрю старался узнать, какая участь постигла его бѣдныхъ товарищей, но ни отъ кого не могъ добиться ни одного слова.

Этотъ послѣдній ударъ судьбы поразилъ окончательно бѣднаго рыбака; глубокая печаль приняла совершенно другой видъ: ярость уступила мѣсто совершенному равнодушію. Его развязали, и онъ долженъ былъ исполнять обязанности матроса. Къ чему ему было сопротивляться? Онъ согласился повиноваться, и работа разсѣяла и успокоила его. Но бѣдный Ледрю не забывалъ своей Маріанны и все объ ней думалъ. Когда онъ небылъ ничѣмъ занятъ, онъ стоялъ въ

сторонкѣ и если никого небыло возлѣ него, то съ восторгомъ цѣловалъ платокъ,—единственное воспоминаніе отъ женщины, которую онъ болѣе всего любилъ.

Воспоминаніе сладкое, но вмѣстѣ съ тѣмъ горестное! платокъ этотъ она ему подарила въ день его Ангела, наканунѣ отъѣзда.

Прошелъ цѣлый мѣсяцъ; подходили къ Сенъ-Піерру. Смитсонъ могъ пройти мимо порта, не становясь на якорь, но онъ, пренебрегая мщеніемъ и гнѣвомъ Губернатора Понталбана, рѣшился стать на якорь въ виду города, хотя бы на нѣсколько минутъ, и вмѣсто того, чтобы скрыть ремесло своего судна, поднялъ флагъ Корсара. Выходка дерзкая, но онъ взялъ предосторожности: пушки были заряжены,

оружіе вынесено и сложено въ кучи на палубѣ; однимъ словомъ, онъ сдѣлалъ всѣ приготовленія къ сраженію.

Какъ Смитсонъ предвидѣлъ, такъ и случилось; лишь только ихъ разглядѣли, за ними послали въ погоню военное судно. Они подняли паруса, и послѣ двухъ часовъ были принуждены вступить въ сраженіе. Оно кончилось не въ пользу Корсара, и онъ дорого заплатилъ за свою дерзкую выходку: судно его потопили, экипажъ весь погибъ, а онъ самъ попался въ плѣнъ, смертельно раненный. Вмѣстѣ съ нимъ взяты были Жеромъ Ледрю и Пиджи; одному только Гарри удалось спастись.

— Берегите его! несите осторожнѣе!— безпрестанно повторялъ Понталбанъ, въ ужасномъ безпокойствѣ,

тѣмъ, которые несли раненнаго Пирата.

Несчастный отецъ чувствовалъ, что все счастіе его зависитъ отъ жизни Корсара.

— Боже мой!—говорилъ онъ,—продли его жизнь хотя на столько, чтобъ онъ имѣлъ время открыть, гдѣ находится мой сынъ.

Онъ желалъ перенести Смитсона въ Губернаторскій домъ, но Пиратъ ослабѣлъ отъ потери крови до такой степени, что если бы продолжать дорогу, то принесли бы только одинъ трупъ. Понталбанъ приказалъ остановиться и внести умирающаго въ шалашъ Негра, гдѣ его положили на солому.

Индѣи не былъ чувствителенъ отъ природы; но страдалъ при видѣ му-

ченій своего капитана; стоя на колѣняхъ возлѣ постели, онъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ больнаго. Ледрю, пораженный случившимся, стоялъ неподвижно въ углу хижины со связанными руками. Какъ только больнаго уложили, пришелъ докторъ и, осмотрѣвъ его, объявилъ что Корсаръ проживетъ неболѣе часа. Понталбанъ приказалъ тогда всѣмъ удалиться изъ шалаша.

— Смитсонъ, узнаешь ли ты меня?— сказалъ онъ больному.

Пиратъ устремилъ на него проницательные, но ослабѣвшіе глаза.

— Понталбанъ! проговорилъ онъ едва внятнымъ голосомъ.

— Да... Понталбанъ... который пришелъ предложить тебѣ средство примириться съ Богомъ, въ эту тор-

жественную для тебя минуту... что ты сдѣлалъ съ моимъ сыномъ?... что ты съ нимъ сдѣлалъ?

— Что ты сдѣлалъ съ моимъ?—возразилъ Смитсонъ съ усиліемъ.

— О! твой сынъ, Смитсонъ... твой сынъ погибъ, пораженный рукою законовъ!... справедливости, конечно, строгой... безпощадной... я служилъ только нѣмымъ орудіемъ... а ты... я тебя умоляю! скажи, что сдѣлалось съ моимъ сыномъ...

— Никогда!... никогда!...— отвѣчалъ Пиратъ голосомъ болѣе слабымъ.

— Боже мой! Боже мой! смягчи сердце этого варвара! — вскричалъ въ отчаяніи отецъ,—Смитсонъ, послушай меня,—продолжалъ онъ умоляющимъ го-

лосомъ,—чего ты хочешь, говори! клянусь тебѣ, я исполню твою послѣднюю волю... ты мнѣ сдѣлалъ много зла! я тебѣ все прощаю... но скажи мнѣ, что̀ ты сдѣлалъ съ моимъ ребенкомъ... скажи! умоляю тебя, ради самаго Бога!.. неужели ты хочешь предстать передъ Нимъ съ такимъ ужаснымъ грѣхомъ на душѣ!

— Избавьте меня отъ присутствія этого человѣка,—сказалъ Смитсонъ, показывая на Ледрю,—что̀ онъ тамъ дѣлаетъ?

— Уведите этаго Пирата!—поспѣшно вскричалъ Губернаторъ, и онъ сказалъ что-то на ухо одному изъ офицеровъ. Жерома увели.

— Подойди ко мнѣ! — прошепталъ Смитсонъ, усиливаясь говорить и дѣ-

лая знакъ Понталбану. Тотъ подошелъ къ нему полный надежды.

Пиратъ съ трудомъ приподнялся.

— Что ты сейчасъ приказалъ этому офицеру?

— Я приказалъ...

— Повѣсить его!

— Если ты желаешь, я подарю тебѣ жизнь его, — вскричалъ Понталбанъ, надѣясь смягчить Пирата и узнать отъ него тайну, за которую онъ былъ готовъ отдать все свое имущество.

— Нѣтъ ненадобно!—сказалъ Смитсонъ,—а въ которомъ часу будутъ его казнить?

— Въ три часа... на что тебѣ?... гдѣ же мой сынъ? скажи мнѣ, гдѣ мой сынъ?

— Подожди... и слушай...

Понталбанъ нагнулся надъ умирающимъ, чтобы не проронить ни одного слова. Смитсонъ долго молчалъ. Наконецъ пробило три часа; тогда Пиратъ будто бы возвратился къ жизни.

— Ха! ха! ха!—засмѣялся онъ судорожно, — три часа! ты повѣсилъ единственнаго человѣка, который могъ бы возвратить тебѣ сына!... онъ у него...

— Несчастный, что ты говоришь! — вскричалъ губернаторъ, раздирающимъ душу голосомъ. Но онъ не получилъ никакого отвѣта; Смитсонъ уже испустилъ духъ.

— Бѣгите всѣ! остановите казнь! спасите его! возвратите мнѣ сына.

Услышавъ крики Понталбана, всѣ бывшіе возлѣ шалаша, бросились на мѣсто казни. Губернаторъ самъ туда

же поспѣшилъ. Во все это время Пиджи былъ забытъ всѣми, пользуясь случаемъ, онъ также ушелъ и скрылся въ толпѣ.

Посланные пришли во-время, чтобы остановить казнь бѣднаго Ледрю: петля надѣта была уже на шею невиннаго рыбака. Когда онъ услышалъ отъ Губернатора слова Смитсона, онъ тотчасъ догадался, зачѣмъ его удалили отъ роднаго крова; онъ объяснилъ все Понталбану, который, неномня себя отъ радости, вскричалъ.

— Дитя мое!... сынъ мой!... ты мнѣ возвращенъ! съ первымъ кораблемъ, мы отправимся во Францію.

Между тѣмъ Пиджи уже оставилъ городъ; онъ пошелъ вдоль берега и наконецъ пришелъ къ уединенному мѣсту, куда обыкновенно контрабанди-

сты свозили запрещенные товары; Гарри былъ уже тамъ.

— Капитанъ умеръ,—сказалъ Негръ, утирая слезы, — Губернаторъ нашелъ своего сына. . . и съ первымъ кораблемъ поѣдетъ во Францію, вмѣстѣ съ рыбакомъ.

— Бѣдный братъ!—вскричалъ Гарри,—онъ умеръ, но я незабылъ своей клятвы; я отомщу за него.

V.

НЕИСПОЛНЕННАЯ КЛЯТВА.

Не заботясь объ огромномъ скачкѣ, мы перенесемся чрезъ безпредѣльность моря во Францію и посмотримъ, что̀ дѣлаетъ Маріанна, которую мы оставили у опушки лѣса, въ большомъ волненіи и страхѣ, когда она узнала, что платокъ, положенный къ ея ногамъ Гроньяромъ, былъ тотъ самый, кото-

рый она подарила Ледрю наканунѣ его отъѣзда.

Живъ ли онъ? или умеръ! вотъ вопросы, которыя она себѣ дѣлала. Кто можетъ ей открыть эту страшную для нея тайну? Не Гроньяръ же.

Бѣдная собака продолжала, съ высунутымъ языкомъ, метаться во всѣ стороны. Маріанна не знала, что̀ дѣлать. Идти ей въ Байé? но кàкъ это ей сдѣлать, не узнавши ничего положительнаго о мужѣ, слѣды котораго она нашла? Можетъ быть, онъ гдѣ-нибудь близко, раненъ, страдаетъ и напрасно призываетъ ее къ себѣ на помощь. При томъ, идти въ Байé значитъ удалиться отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ Жеромъ станетъ искать ея, если только онъ живъ и здоровъ. Первымъ его дѣломъ, конечно, будетъ идти къ хи-

жинѣ, и какъ онъ опечалится, найдя ее пустою. Но ее оттуда выгнали; можетъ ли она туда возвратиться!... Нѣтъ!... и она рѣшается идти и ждать своего Жерома у дверей жилища, въ которое она ни подъ какимъ видомъ не смѣетъ войти.

Взявъ дѣтей на руки, она приготовилась идти назадъ, какъ вдругъ Гроньяръ, котораго она нѣсколько времени уже не видала, подбѣжалъ къ ней и сталъ ее тащить за платье къ одному довольно густо заросшему кустами мѣсту.

Шумъ, который она произвела, раздвигая сучья, къ счастію, былъ заглушенъ карканіемъ цѣлой стаи воронъ, пролетѣвшихъ въ это время надъ ея головой. Не случись этого, ее вѣроятно-бы замѣтилъ человѣкъ, ходившій

большими шагами и, какъ видно, въ большомъ безпокойствѣ, на полянѣ, лежащей за кустами.

— Это не онъ! — сказала она потихоньку; но ни знакомъ, ни звукомъ она не показала своей досады отъ обманутой надежды. Она будто бы догадывалась, что вся тайна заключается въ этомъ человѣкѣ и что онъ одинъ можетъ прекратить ея мученія. Въ страхѣ спрятавшись въ кустахъ, она слѣдитъ за всѣми его движеніями и неожиданно становится свидѣтельницею очень интересной для нея сцены. Дѣти и Гроньяръ, какъ будто понимая въ чемъ дѣло, молчали и не шевелились. Незнакомецъ продолжалъ ходить взадъ и впередъ, по временамъ напѣвая пѣсню, но видно было, что

онъ пѣлъ принужденно; веселость далека была отъ его мыслей.

— Онъ, вѣроятно, не придетъ! — вскричалъ онъ,—а безъ него я ничего не могу сдѣлать...

Въ эту минуту послышались шаги съ противуположной стороны, гдѣ стояла Маріанна.

— Это онъ!—вскричалъ незнакомецъ и бросился на встрѣчу тому, кого ждалъ. Изъ лѣса вышелъ Негръ; онъ должно быть шелъ скоро, потому что едва дышалъ и, по видимому, очень усталъ.

— Ну что, Пиджи? — спросилъ незнакомецъ.

— Кажется я узналъ ее... Но, господинъ Гарри, сами посудите, мнѣ было очень трудно найти хижину, ко-

торую я видѣлъ только разъ издалека и ночью...

— Но ты развѣ не могъ въ томъ убѣдиться?

— Нѣтъ, не могъ; дверь была замкнута и ни кто не отвѣчалъ на мой зовъ.

— Чортъ возьми!... Ну, да все равно, мы постараемся... имѣешь ли какія-нибудь другія извѣстія?

— Нѣтъ, господинъ Гарри, я незнаю, уѣхали ли они изъ Гавра...

— Они ужь здѣсь... я это знаю; сегодня утромъ я видѣлъ рыбака; въ этомъ лѣсу мы встрѣтились лицемъ къ лицу, онъ меня узналъ и, не говоря ни слова, напалъ на меня.

— И что̀жь! господинъ Гарри... вы не ранены?

— Нѣтъ не я, Пиджи, а онъ ра-

ненъ, и хотя онъ отъ меня ушелъ, да не далеко уйдетъ.

— Онъ раненъ! поскорѣе побѣгу къ нему! — вскричала Маріанна и бросилась изъ кустовъ. Шумъ, произведенный ею, привлекъ вниманіе Гарри и Негра.

— Тамъ кто-то есть, насъ подслушивали, Пиджи,—сказалъ Гарри.

— Я самъ слышалъ,—отвѣчалъ Негръ и однимъ скачкомъ очутился за кустами,—господинъ Гарри! это женщина съ дѣтьми...

— Съ дѣтьми?... что̀, если это она, Пиджи, мщеніе само дается намъ въ руки; бѣги за ней!

Пиджи не заставилъ себѣ два раза повторить приказаніе и съ быстротою, свойственною только Негру, побѣжалъ и скоро нагналъ Маріанну. Онъ хо-

тѣлъ остановить ее, но Гроньяръ, который бѣжалъ за своей хозяйкой, бросился на него и схватилъ за шею; человѣкъ и собака начали бороться, это дало Маріаннѣ время спастись, и она, едва переводя духъ, прибѣжала въ Діэпискую гавань.

Гроньяръ держалъ Пиджи за горло до тѣхъ поръ, пока Маріанна не скрылась изъ виду. Тогда отпустилъ его и бросился въ слѣдъ за своей хозяйкой— и вò-время! Гарри былъ уже близко съ ножемъ въ рукахъ.

— Проклятая собака! — вскричалъ Пиджи, придя въ себя,—она схватила меня за горло и чуть не задушила.

— Отдохни, Пиджи... ну что же губернаторъ?

— Я его не видалъ... проклятая собака.

— И я также... странно!

— Онъ можетъ быть въ Діэппѣ!

— Невозможно. Мы впереди его... Пойдемъ, Пиджи, пойдемъ, покажи мнѣ хижину; онъ непремѣнно будетъ тамъ сегодня.

И Гарри вмѣстѣ съ Негромъ отправился къ жилищу рыбака. Между тѣмъ Маріанна добѣжала до гавани. Немного отдохнувъ, она стала разсуждать, куда ей направить шаги, чтобы съискать своего мужа.

— Онъ раненъ! — говорила она самой себѣ, — раненъ и нуждается въ моей помощи, и вѣрно прямо пріѣдетъ въ Діэппъ. Пойду отъискать его.

И она стала бросаться во всѣ стороны, спрашивая у всякаго, не видалъ ли кто Жерома. Съ того дня, какъ Маріанну такъ безжалостно выгнали

изъ рыбацкой деревни, она туда не возвращалась; теперь она нашла во всѣхъ большую перемѣну и встрѣтила вездѣ другой пріемъ.

— Бѣдная женщина! — заговорили со всѣхъ сторонъ, — какъ она страдала! Богъ вѣрно наградитъ ее.

— Зайдите ко мнѣ, госпожа Ледрю! — говорила одна женщина.

— Сюда, моя милая, сюда, — кричала другая.

И даже жена Жусома, которая, такъ худо приняла и выгнала ее изъ своего дома, вмѣшалась и превзошла всѣхъ въ похвалахъ Маріаннѣ.

— Бѣдная рыбачка! — кричала она во все горло, — я всегда говорила этимъ болтуньямъ, что онѣ напрасно осуждаютъ ее, сердечную; вѣдь можно же быть такъ несправедливымъ, чтобъ об-

винить даже въ связяхъ съ сатаною... надо же быть такими глупыми...

Если бы Маріанна имѣла время замѣтить эту перемѣну, то очень бы удивилась и не могла бы отъискать ей причины, но она была слишкомъ занята судьбою своего мужа.

— Гдѣ мужъ мой!... не видали ли моего мужа?—спрашивала она всѣхъ.

Но никто не могъ ей ничего сказать. Наконецъ она подбѣжала къ толпѣ народа, посреди которой два рыбака что-то разсказывали.

— Пишаръ и Барду! — вскричала она, — гдѣ онъ? гдѣ онъ? скажите мнѣ, ради самаго Бога.

— Кто? вашъ мужъ?... Ледрю?... но мы ничего объ немъ не знаемъ... вотъ уже три мѣсяца, какъ мы съ нимъ разстались.

— Разстались!... три мѣсяца! но онъ здѣсь, я въ этомъ увѣрена! онъ раненъ! убитъ, можетъ быть... Ищите! ищите его, я васъ умоляю.

Барду и нѣсколько рыбаковъ, немедленно отдѣлились отъ толпы и отправились искать своего товарища. Пиларъ продолжалъ разсказывать:

— Тогда онъ намъ сказалъ, знаете, чернокожій-то, мы пойдемъ на Гернзей; мнѣ приказано отправить васъ на дно къ рыбамъ пить морскую воду; но мнѣ васъ жаль; я лучше спасу васъ, (мы были оба связаны, ни дать ни взять какъ разбойники.) Онъ развязалъ намъ руки и ноги. Но чернокожій былъ хитеръ, какъ обезьяна, на которую, между прочимъ, очень похожъ; не сказавъ, что къ намъ подходитъ шлюбка Англійскаго военнаго

судна, самъ бросился въ воду и оставилъ насъ однихъ. Нашу шлюбку взяли, и, принимая насъ за пиратовъ, хотѣли повѣсить; мы съ величайшимъ трудомъ избавились отъ веревочной петли.

— Ха! ха! ха! какая шутка! — сказала равнодушная толпа.

— Ну, а Жеромъ Ледрю? что сдѣлалось съ нимъ?—спрашивали самые любопытные.

Судьба рыбака заинтересовала всю гавань и всякой хотѣлъ знать, куда онъ дѣвался.

— Не видали ли вы Ледрю?... гдѣ мой мужъ?—не переставала повторять Маріанна, которая, падая отъ усталости, присѣла на камень. Въ это время подошелъ къ ней старикъ очень почтенной и благородной наружности.

— Ледрю, говорите вы?... Вашъ мужъ? Вы Маріанна?

— Да... сударь, я...

— Сынъ мой? покажите мнѣ моего сына?

— Скажите мнѣ, гдѣ мой мужъ?

Отецъ и супруга скоро успокоились. Господинъ Понталбанъ разцѣловалъ Богдана и объяснилъ Маріаннѣ, что Ледрю цѣлъ и невредимъ; но не зналъ, что онъ раненъ; онъ разлучился съ нимъ утромъ, оставивъ его совершенно здороваго. Впрочемъ, въ этомъ можно было скоро удостовѣриться, потому что рыбакъ долженъ дожидаться его въ шесть часовъ у хижины; и время уже къ тому подходило.

Маріанна и Понталбанъ отправились; счастливый отецъ не чувствовалъ се-

бя отъ радости; онъ опять увидѣлъ своего сына и теперь безпокоился только о Ледрю и его ранѣ. Губернаторъ и Маріанна, подошедши къ дверямъ хижины, нашли ее заперт той. Въ это самое время они услышали вой Гроньяра; звуки раздавались на берегу моря, по направленію маленькаго залива. Они почти бѣгомъ пустились туда, и что представилось глазамъ ихъ? На землѣ лежалъ человѣкъ, неподвижный и оцѣпенѣлый.

— Боже мой!... это онъ! онъ умеръ! — вскричала Маріанна.

И въ отчаяніи она бросилась къ нему.

— Ледрю! Ледрю!

Губернаторъ всталъ на колѣни и поднялъ рыбака, который тотчасъ очнулся: онъ только заснулъ. Рана его была очень легка, но усталость, го-

лодъ, утомили его... онъ не могъ идти далѣе и уснулъ. Можно себѣ вообразить восторгъ счастливыхъ и любящихъ другъ друга супруговъ. Губернаторъ любовался этимъ зрѣлищемъ и внутренно благодарилъ Маріанну за всѣ ея попеченія о Богданѣ.

— Теперь мы всѣ счастливы,—сказалъ онъ,—вы нашли своего мужа, а я своего сына.

И онъ взглянулъ на мѣсто, покрытое мхомъ, куда Маріанна положила Богдана, поспѣшая на помощь къ Ледрю. Ребенка тамъ небыло... Несчастный отецъ застоналъ, быстро окинувъ взоромъ всю мѣстность, онъ увидѣлъ на вершинѣ скалы Гарри Смитсона, который, держа ребенка надъ пропастью, кричалъ ему:

— Понталбанъ! ... узнай, что значитъ мщеніе Смитсона!

И онъ бросилъ несчастнаго мальчика въ море въ добычу неизбѣжной смерти. Горесть и ужасъ отняла всякое движеніе у трехъ зрителей этого низкаго убійства. Но Богу не угодно было, чтобы оно свершилось: Гроньяръ, слѣдившій за похитителемъ, все видѣлъ: увидѣвъ, что ребенокъ брошенъ въ море, кинулся вслѣдъ за нимъ, и, минутъ чрезъ пять возвратясь съ своею ношею, положилъ ее къ ногамъ своего господина, мотая хвостомъ.

Невозможно описать радость отца, Ледрю и Маріанны.

— Съ этого дня мы будемъ не разлучны, — сказалъ Губернаторъ, въ восторгѣ пожимая руки рыбаку, — я останусь жить во Франціи. Вы оба бу-

дете жить со мной; Маріанна будетъ кормить моего сына; а Гроньяръ, добрый Гроньяръ, будетъ нашимъ общимъ другомъ. Вы совершенно справедливо назвали сына моего Богданомъ: Богъ вамъ далъ его, и Богъ его защитилъ.

ДВА БРАТА.

Разсказъ XVI столѣтія.

I.

ГОРЕСТЬ МАТЕРИ.

Германія была колыбелью Лютеранизма: Мартынъ Лютеръ первый возсталъ противъ Римской церкви и въ весьма короткое время имѣлъ много послѣдователей. Между приверженцами его, было нѣсколько коронованныхъ особъ. Папа, понявъ, что огромная власть надъ судьбою Европейскихъ

державъ, можетъ ускользнуть изъ рукъ его, отлучилъ Лютера и всѣхъ его послѣдователей отъ церкви. Вскорѣ, послѣ этого возгорѣлась война между Лютеранами и Католиками; борьба началась на словахъ и на бумагѣ; противники вооружились буллами, возраженіями; но это продолжалось не долго, перо дало мѣсто саблѣ, бумага — латамъ, чернила — крови, и началась война страшная, война,—во время, которой дрались съ остервенѣніемъ безъ пощады, безъ жалости.

Отличія народовъ между собою, ненависть одного къ другому, узы родства и дружбы, разность понятій и образа жизни, — все изчезло. Не было уже ни Французовъ, ни Англичанъ, ни Германцевъ, ни Датчанъ; остались только двѣ огромныя націи: Католики

и Протестанты; отъ вершинъ Карпатскихъ горъ до Атлантическаго океана, отъ Альповъ до Балтійскаго моря, все поднялось, все вооружилось, и великая религіозная драма разъигралась на этомъ четыреугольникѣ, населенномъ образованнѣйшими Европейскими народами.

Реформація не тотчасъ вторглась во Францію, но развилась мало по малу и въ тишинѣ. Послѣ заговора въ Амбоазѣ и убіенія Гугенотовъ въ Васси, обѣ партіи сильно раздражились; Екатерина Медичи сама вооружила протестантовъ противъ нелюбимыхъ его Гизовъ, и междоусобная война, возгорѣвшись во всѣхъ концахъ государства, стала истощать бѣдную Францію.

Къ этой-то эпохѣ намъ нужно мысленно перенестись... въ старый за-

мокъ, въ Шампаньи, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Васси, 1-го Марта 1562 года. Блѣдное заходящее солнце бросало послѣдніе лучи въ большую готическую залу, которую, и не думали освѣщать не смотря на наступающую темноту. Въ этой залѣ находились двѣ особы: женщина преклонныхъ лѣтъ и молодой человѣкъ. Стоя на колѣняхъ, на мраморныхъ плитахъ, которыми былъ устланъ полъ, они усердно молились. Раскаленные угли въ каминѣ, пробивая темноту, тускло освѣщали эту группу и бросали сомнительный свѣтъ на большое серебряное распятіе, передъ которымъ они преклонялись.

— Боже мой! — сказала мать, (она сначала молилась мысленно, но незамѣтно стала изливать свои жалобы вслухъ.)—Христосъ нашъ Спаситель!

Сжалься надъ бѣдной и скорбящей матерью; будь милостивъ, воззри милосердымъ окомъ на старшаго моего сына, Бертрана де Моле, и не оставь его въ эти трудныя времена.

— Аминь!—воскликнулъ молодой человѣкъ, молившійся возлѣ своей матери.

— Тебѣ извѣстно, о Спаситель мой! что я не отступала отъ твоей вѣры, что я свято исполняла всѣ обязанности христіанки; ты знаешь, съ какимъ стараніемъ я внушала твои правила и твои законы, моимъ дѣтямъ; ты знаешь, что мой младшій сынъ, Жань де Моле, ими вполнѣ воспользовался... молю же тебя, о Боже! Не допусти, сына моего, Бертрана, идти по дорогѣ заблужденія; возврати его матери твердымъ и непоколебимымъ въ вѣрѣ, и

оторви сердце его отъ Реформатовъ, Кальвинистовъ и Гугенотовъ, которыхъ общество, я знаю, онъ посѣщаетъ.

— Аминь!—повторилъ младшій Моле, молясь съ усердіемъ.

— Ради Пресвятой Богородицы, не допусти матери видѣть, какъ ея первенецъ приметъ ересь, опозоритъ имя отцевъ своихъ, поднявъ оружіе противъ истинной вѣры и своего Короля, и измѣнитъ церкви и отчеству; не допусти проклятію твоей преданной и покорной рабы пасть на голову ребенка, котораго она сама вскормила и воспитала.

— Да будетъ такъ, матушка! — сказалъ младшій Моле, вставая и крестясь;—дай Богъ, чтобы вы никогда не были доведены до такой крайности, противъ моего любимаго брата.

— Я чувствую,—отвѣчала мать,—что у меня никогда не станетъ духу, проклясть его. Но объясни мнѣ, что̀ значитъ его поведеніе въ послѣдніе три мѣсяца?

— Но это все еще предположеніе, матушка. . .

— Ты напрасно стараешься успокоить меня утѣшительными словами, Жань; мать рѣдко ошибается въ дѣтяхъ; по особеннымъ признакамъ, замѣтнымъ только ей одной, она умѣетъ угадывать, что̀ они отъ нея скрываютъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я съ тобой говорила въ послѣдній разъ, видѣлъ ли ты Бертрана болѣе дня съ нами; какимъ образомъ объяснить его продолжительныя отсутствія и мрачный, задумчивый видъ, когда онъ возвращается въ родительскій домъ?

— Можетъ быть, какая нибудь тайная мысль . . .

— Такъ точно, Жанъ! тайная мысль ереси, вотъ что его занимаетъ. Ты развѣ не помнишь, что только мѣсяцъ тому назадъ, посланный отъ Принца де-Конде остановился въ нашемъ замкѣ и имѣлъ съ Бертраномъ продолжительное и тайное свиданіе? Можешь ли ты отвергнуть то, что твои глаза видѣли? Развѣ Баронъ де-Флоранъ не увѣдомилъ насъ, что видѣлъ сына моего въ обществѣ Гугенотовъ и Кальвинистовъ нашей провинціи? — Нѣтъ, все слишкомъ явно обличаетъ его— присовокупила она, предаваясь всей своей горести,—и я незнаю, какое чувство сильнѣе вкоренилось въ моемъ сердцѣ, жалость или негодованіе. Про-

сти меня, Боже мой! я не должна бы говорить этого, но мать...

Въ эту минуту, дверь въ залу съ шумомъ растворилась и вошелъ молодой человѣкъ, завернутый въ плащъ.

— Бертранъ! — воскликнула г-жа де-Моле.

— Братъ!—воскликнулъ Жанъ, зажигая свѣчу.

Едва свѣтъ распространился по комнатѣ, Жанъ и мать, устремили глаза на Бертрана и вскричали отъ ужаса; несчастный молодой человѣкъ, запыхавшись, изнеможенный упалъ на стулъ; онъ былъ очень блѣденъ; платье его было изодрано и руки въ крови; все это изобличало, что онъ былъ свидѣтелемъ, или, лучше сказать, дѣйствующимъ лицемъ какой нибудь ужасной сцены.

Первыми словами его были: стаканъ воды, братъ! Ради Бога! Стаканъ воды!

Испуганный Жанъ поспѣшилъ исполнить его желаніе.

— Онъ раненъ! — воскликнула г-жа де-Моле, придя немного въ себя.

И она бросилась къ сыну, чтобы помочь ему; но онъ нѣжно остановилъ ее, говоря:

— Нѣтъ, матушка!—Нѣтъ, благодаря Бога, я уцѣлѣлъ послѣ этой ужасной рѣзни, остался живъ и невредимъ, не смотря на этихъ убійцъ.

— Что ты говоришь, Бертранъ?

— Что случилось, братъ?

— Убійство!... гнусное убійство, которое кровавыми буквами напишется въ исторіи! Протестанты, матушка, протестанты, люди мирные и бого-

мольные, собрались въ Васси, въ овинѣ; началась служба, и всѣ были погружены въ усердную молитву, какъ вдругъ раздался звукъ трубъ: это былъ Графъ Гизъ. Трусъ! Онъ ѣхалъ мимо съ толпою щеголей... Эти поборники ада осмѣлились бранить и ругать насъ.

— Ты съ ними былъ, сынъ мой!— воскликнула г-жа де-Моле голосомъ глубочайшаго отчаянія.

— Да, я былъ съ ними! — отвѣчалъ Бертранъ, вставая со стула, лице его оживилось,—да, я былъ съ ними и горжусь этимъ!

Бѣдная мать закрыла лице руками. Жанъ, между тѣмъ, съ ужасомъ слушалъ продолженіе разсказа своего брата.

— Въ отрядѣ было, покрайней мѣ-

рѣ, триста человѣкъ; всѣ они были хорошо вооружены... насъ было шестьдесятъ безоружныхъ... они бросились на насъ. Послѣ брани, посыпались удары, и убійцы перерѣзали всѣхъ нашихъ братьевъ, безъ пощады, безъ жалости... двоимъ только удалось спастись. О Графъ де Гизъ! кровь требуетъ крови; этимъ убійствомъ ты положилъ начало страшной войнѣ.

— Ты пугаешь меня, Бертранъ, твоими ужасными словами.

— О! если бы вы его видѣли, матушка; онъ былъ похожъ на Ирода при убіеніи младенцевъ.

— Напротивъ, сударь, онъ обогрялъ руки свои кровью нечестивыхъ!—отвѣчала мать, вставъ съ своего стула.

— Они стали мучениками, бѣдные братія, мучениками своей религіи.

— И такъ, сударь,—продолжала г-жа де-Моле дрожащимъ голосомъ, — вы оставили вѣру отцевъ своихъ?

— Да, я это сдѣлалъ!

— Идите же, сударь, идите; оставьте этотъ домъ, онъ не можетъ служить убѣжищемъ еретику... ступайте... я васъ прокли...

— Сжальтесь, матушка надъ нимъ!— воскликнулъ Жанъ, бросаясь на колѣни,—не оканчивайте ужаснаго слова... сжальтесь надъ братомъ моимъ! надъ вашимъ сыномъ!

Несчастная упала въ кресло, обливаясь слезами.

— Завтра, рано утромъ, я оставляю домъ отца моего, изъ котораго я изгнанъ. Прощайте, матушка! — сказалъ

Бертранъ, тщетно стараясь скрыть свое волненіе.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ дверямъ, но, дойдя до нихъ, остановился; видно было, что онъ внутренно борется; наконецъ, онъ бросился къ ногамъ своей матери, схватилъ руку ея и началъ цѣловать, громко рыдая. Три лица, участвующія въ этой печальной сценѣ, молча плакали нѣсколько времени; потомъ Бертранъ всталъ, твердыми шагами прошелъ залу и вышелъ.

Часъ спустя, Жанъ отправился въ свою комнату и нашелъ тамъ брата на постели въ глубокой задумчивости.

— Бертранъ!—произнесъ онъ тихо.

— Братъ! — воскликнулъ Бертранъ, подходя къ нему и обнимая его.

— Ты оставишь насъ,—братъ?

— Оставлю!—отвѣчалъ Бертранъ.

— Ты поднимаешь оружіе въ пользу протестантовъ?

— Да!

— Мнѣ только семнадцать лѣтъ, а завтра же я запишусь въ войска Католиковъ.

— Прощай, братъ!

— Прощай!

— Дай Богъ, чтобы мы никогда не встрѣчались съ оружіемъ въ рукахъ.

— Дай Богъ!—и они разстались.

II.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРѢЧА.

Зародышъ кровавой войны уже существовалъ; всѣ умы были подготовлены, и нуженъ былъ только предлогъ.

Королева—мать, Екатерина Медичи сама была причиной; страшась могущества Графа Гиза; Маршала Сентъ-Андре и Монморанси, составлявшихъ

тріумвиратъ, отнимавшій у нея власть, она призвала къ себѣ на помощь Кальвинистовъ, и отдалась съ молодымъ Королемъ подъ ихъ защиту. Реформаты вооружились, для защиты Королевы; война началась. Напрасно Екатерина Медичи обратилась опять къ Католикамъ, желая остановить междоусобіе; было поздно; и въ самомъ дѣлѣ, кто въ силахъ остановить кипучій потокъ, низвергающійся съ горъ и увеличивающійся безпрестанно въ своемъ теченіи отъ пребывающей воды и тающихъ снѣговъ? Королева небыла уже въ силахъ остановить начатаго ею; обѣ партіи вооружились и кровь потекла рѣками.

Спустя два мѣсяца послѣ описаннаго въ предъидущей главѣ, много городовъ было занято протестантами, и

много городовъ было отбито у нихъ Католиками.

Рѣшительнаго сраженія еще небыло; частная борьба однако возгорѣлась, въ провинціяхъ, подъ начальствомъ мелкихъ предводителей со всею яростію изступленной вражды.

Весь гарнизонъ маленькаго городка въ Пуату, недавно взятаго Гугенотами, собрался на главной площади, ожидая, какъ видно, своего начальника. Чрезъ нѣсколько времени онъ пришелъ, дружелюбно опираясь на руку молодаго человѣка. Начальникъ былъ Баронъ Дезъ-Адре, мужчина лѣтъ сорока, съ холоднымъ и жестокимъ взглядомъ, безжалостный и твердый въ своемъ рѣшеніи. Въ два мѣсяца онъ составилъ себѣ кровавую славу жестокостями, превышавшими всякое

сравненіе, развѣ, кромѣ страшныхъ возмездій Монлюка, одного изъ предводителей Католической партіи. Эти два капитана сражались, съ самаго начала войны, въ провинціяхъ Пуату и Анженуа, и соперничествовали другъ передъ другомъ жестокостями. Горе плѣннымъ, попадавшимся въ ихъ руки: ихъ изувѣчивали, казнили и все это дѣлали во имя Божіе.

Баронъ Дезъ-Адре былъ встрѣченъ радостными кликами солдатъ; онъ обошелъ ихъ, говоря то съ однимъ, то съ другимъ; потомъ обратился къ молодому человѣку, который пришелъ вмѣстѣ съ нимъ.

— Бертранъ,—сказалъ онъ ему,—все идетъ хорошо; войско наше отдохнуло немного, что для него было необходимо, въ нынѣшнія времена ему

нельзя долго оставаться въ покоѣ. Я пойду теперь впередъ; я узналъ, что Монлюкъ, который занималъ Тальзи, пошелъ къ Сѣверу. Мнѣ хочется перерѣзать ему дорогу.

— Но увѣрены ли вы въ этомъ, капитанъ?

— Увѣренъ ли я въ этомъ извѣстіи? Очень увѣренъ. Пока мой любезный лейтенантъ спалъ, обходные захватили въ плѣнъ одного изъ лейтенантовъ Монлюка, безбородаго мальчика. Я обѣщался даровать ему жизнь съ тѣмъ, чтобы онъ открылъ мнѣ секретъ движеній своего начальника; онъ мнѣ все сказалъ, и такимъ образомъ я надѣюсь сдѣлать нечаянное нападеніе на моего противника.

— А молодой человѣкъ? А лейтенантъ?—спросилъ Бертранъ.

— Молодой человѣкъ? возразилъ Баронъ, съ значительной улыбкой,—сдержимъ свое обѣщаніе относительно его... я обѣщалъ ему жизнь, и на недѣлю оставлю его въ покоѣ...

— А послѣ этого срока?—спросилъ лейтенантъ съ участіемъ.

— Ну, когда это время пройдетъ, мы увидимъ, необманулъ ли онъ насъ; а потомъ, признавъ его измѣну, доброй для насъ услугой, мы извѣстимъ о томъ Католиковъ. Всякому грѣху нужно помилованіе. Между тѣмъ, господинъ Бертранъ, вотъ бумага съ моими приказаніями. Вы останетесь здѣсь въ городѣ, полнымъ хозяиномъ въ мое отсутствіе; но если вы переступите мою волю, я поступлю съ вами какъ съ Католикомъ, не смотря на то, что вы добрый гугенотъ.—Ну,—

продолжалъ онъ, обращаясь къ трубачамъ, — трубите сборъ!

Приказаніе его было исполнено на всѣхъ четырехъ углахъ площади; цѣлый часъ продолжался въ городѣ шумъ и движеніе, отъ приготовленій, всегда предшествующихъ отправленію войскъ.

Наконецъ все стихло и лейтенантъ Барона Дезъ-Адре, остался одинъ съ сотнею солдатъ для защиты города и крѣпости. Онъ тотчасъ разставилъ часовыхъ; возстановилъ порядокъ на валѣ; потомъ прочелъ бумагу, данную ему Барономъ. Въ ней заключались наставленія, какъ защищать крѣпость, въ случаѣ нечаяннаго нападенія; — правила порядка, который надобно было соблюдать въ городѣ; наконецъ, повелѣніе допросить плѣннаго, узнать имя его, (самъ капитанъ забылъ спро-

сить объ этомъ,) и держать подъ строгимъ карауломъ, чтобы не дать ему никакой возможности бѣжать.

— Я съ вами поступлю, какъ съ Католикомъ, хотя вы и добрый Гугенотъ, — сказалъ Бертранъ самому себѣ, когда остался одинъ, — вотъ его слова; старый волкъ, ему хочется двухъ жертвъ вмѣсто одной; мнѣ давно не нравится жестокость Барона Дезъ-Адре... Онъ, вѣроятно, замѣтилъ, что я заинтересовался судьбою молодаго плѣнника, и разсердился... я самъ не могу постигнуть, отъ чего я принимаю участіе въ судьбѣ непріятеля, котораго я никогда не видалъ;— въ трусѣ, который выдалъ своихъ товарищей и тайну своего начальника? Нѣтъ, измѣнника не слѣдуетъ жалѣть, къ какой бы партіи онъ ни принадле-

жалъ... Исполню приказаніе капитана, распрошу его... Что же касается до Барона, клянусь оставить его, при первомъ же удобномъ случаѣ... кровь, проливаемая, на полѣ битвы, есть печальная необходимость войны; но проливаемая жестокостію представляетъ слишкомъ ужасное зрѣлище.

Разсуждая такимъ образомъ, онъ дошелъ до лучшаго дома въ городкѣ, въ которомъ онъ и капитанъ квартировали.

— Ларіво!—закричалъ онъ, своему слугѣ,—привести ко мнѣ плѣннаго, схваченнаго сегодня ночью!

Сказавъ это, онъ вошелъ въ обширную залу, служившую мѣстомъ собранія обывателей города; онъ выслалъ всѣхъ сидѣвшихъ въ ней, и сталъ дожидаться прибытія католическаго лейтенанта.

Дверь вскорѣ отворилась, и вошелъ молодой человѣкъ, котораго благородное и открытое лице не изобличало ни страха, ни безпокойства. Бертранъ, погруженный въ задумчивость, не замѣтилъ, какъ онъ вошелъ, не поднялъ даже головы и продолжалъ молчать. Плѣнный, видя это, въ нетерпѣніи сказалъ:

— Я въ вашей власти, что̀ прикажете со мной дѣлать?

— Братъ! — воскликнулъ Бертранъ съ ужасомъ, вскочилъ со стула, и отошелъ на нѣсколько шаговъ назадъ.

— Бертранъ!—сказалъ Жанъ подъ вліяніемъ того же чувства.

Не произнося ни слова, они неподвижно глядѣли другъ на друга. Внутреннее волненіе ясно выражалось на лицахъ того и другаго; оно было

смѣшеніемъ страха, братской любви и ненависти партій. Но на одно лишь мгновеніе, враждебныя чувства овладѣли сердцами ихъ; другое мгновеніе— и ненависть партій, различіе религій забыты, братская любовь взяла свое, и они бросились другъ другу въ объятія.

— Братъ!—воскликнули они, въ одно время, съ радостію обнимаясь.

Потомъ они опять долго молчали; Бертранъ, по видимому, былъ раздосадованъ и печаленъ.

— Мы встрѣтились противниками...

— Да, Жанъ, правда!

— Покоримся волѣ Божіей, любезный братъ; я твой плѣнный....

— Зачѣмъ же ты мнѣ это напоминаешь?

— Это твой долгъ!

— Несчастный, если бы ты своего не забылъ; то небылъ бы здѣсь, передъ братомъ, который дрожитъ за тебя.

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Жанъ, не принуждай меня напоминать тебѣ твой стыдъ... ты измѣнилъ своимъ, открывши тайное намѣреніе Монлюка.

Жанъ гордо взглянулъ на брата; презрительная улыбка, засіяла на лицѣ его.

— И ты, Бертранъ, братъ мой, могъ подумать, что Жанъ де-Моле обезчеститъ себя такою низостію. О, это дурно, я отъ тебя этого не ожидалъ.

— Такъ это неправда?...

— Неправда!... Я здѣсь, по назначенію Монлюка и по его же при-

казанію, все разсказалъ твоему начальнику; надобно было кому нибудь пожертвовать собой, чтобы исполнить это порученіе; и я рѣшился!

— Боже мой!—воскликнулъ Бертранъ;—теперь понимаю, почему я принималъ такое живое участіе въ плѣнномъ, еще не зная его! Бѣдный Жанъ... Да! ты говоришь правду... ты пожертвовалъ своей жизнью... но тебя надобно спасти... какъ же мнѣ это сдѣлать?.. ты не знаешь, какъ жестокъ Баронъ Дезъ-Адре... онъ не пожалѣетъ, ни твоей молодости, ни твоей отваги... я долженъ непремѣнно тебя спасти.

— Это невозможно, братъ,—отвѣчалъ Жанъ, теряя по немногу холодный видъ, принятый имъ во время предъидущаго разговора,—меня спасти зна-

читъ тебѣ погибнуть; я никогда на это не соглашусь... вотъ тутъ-то и была бы трусость. Баронъ Дезъ-Адре очень похожъ на Монлюка, они оба не знаютъ жалости; даже если бы Баронъ и былъ знакомъ съ нею, то и тогда я не унизился бы передъ нимъ просьбами... Онъ обѣщалъ даровать мнѣ жизнь...

— Ложь!... сущая ложь!...

— Только, въ такомъ случаѣ, если я его не обману.

— И ты это сдѣлалъ?

— Да!

— Несчастный, тебѣ остается только недѣля жизни; — сказалъ Бертранъ и глаза его наполнились слезами,—ты не дождешься его? Не правда ли? ты уйдешь—сегодня же? Я тебѣ доставлю случай...

— Я подвергнусь той участи, которая меня ожидаетъ; впрочемъ, кто знаетъ, можетъ быть, до тѣхъ поръ Монлюкъ одержитъ побѣду и избавитъ меня.

— Тщетная надежда!

— Но если ты можешь доставить мнѣ случай, любезный братъ, оставить городъ на нѣсколько времени; умоляю тебя объ этомъ; позволь мнѣ, только, увидѣть и обнять въ послѣдній разъ, несчастную матушку... хоть на одно мгновеніе и я возвращусь готовый умереть.

— Нашу мать!.. Жанъ... нашу мать? Бѣдная женщина, сколько слезъ она пролила, помышляя обо мнѣ.

— Отъ тебя одного, Бертранъ, зависитъ ее утѣшить; конечно, если ты этого захочешь...

— Что же мнѣ сдѣлать?

— Оставить свою ересь... бѣжать со мною... броситься къ ея ногамъ и сказать: матушка я отступаюсь отъ моего заблужденія.

— Измѣнить... мнѣ... никогда! Ты пойдешь одинъ и сейчасъ же. Лариво! — продолжалъ онъ, — этотъ человѣкъ мнѣ преданъ, я въ немъ увѣренъ.

Слуга вошелъ.

— Лариво, этотъ плѣнный — мой братъ; онъ желаетъ поцѣловать нашу матушку прежде нежели...

— Прежде, нежели умру... что̀жь ты не оканчиваешь, братъ?

— Хочешь ли заслужить мою дружбу?—сказалъ Бертранъ Лариво, утирая слезы.

— Дружбу вашу! Я для васъ го-

товъ въ огонь и въ воду... что же прикажете сдѣлать?

— Отвести брата моего къ калиткѣ и выпустить его, такъ, чтобы никто не видѣлъ...

— Пойдемте!

Братья обнялись въ послѣдній разъ передъ разставаніемъ; но когда Жанъ сталъ выходить, Бертранъ, задержалъ его.

— Братъ,—сказалъ онъ ему дрожащимъ голосомъ: ты увидишь матушку, ты... который не изгнанъ ею... поцѣлуй ее хоть разъ, думая обо мнѣ; поговори съ нею, не сердя ее... о сынѣ, котораго она прокляла... но, который любитъ ее все по прежнему... прощай... прощай!..

Онъ поспѣшно затворилъ дверь, сѣлъ, закрылъ лице руками и долго оставался въ этомъ положеніи. Когда онъ

всталъ, глаза его были красны и на щекахъ видны были слѣды недавно пролитыхъ слезъ.

Спустя часъ послѣ этого, Жанъ выходилъ съ одной стороны города; а съ противоположной послышались звуки трубъ и шумъ приближающихся войскъ.

III.

ТВЕРДОСТЬ

БРАТЬЕВЪ МОЛЕ.

Бертрану немедленно доложили о приближеніи войскъ; зная ложное отбытіе Монлюка, онъ тотчасъ разсудилъ, что вѣрно Католики подошли, для занятія города, и онъ рѣшился защищаться до послѣдней крайности. Но тревога была фальшивая; Баронъ Дезъ-Адре возвратился съ войскомъ

назадъ. Онъ былъ очень взбѣшенъ и едва увидѣлъ изъ далека Бертрана, какъ закричалъ ему:

— Мнѣ солгали! Молодчикъ, котораго мы поймали, обманщикъ; если бы не одинъ изъ добрыхъ нашихъ Гугенотовъ, встрѣченный мною на пути, — крѣпость была бы взята приступомъ сего же дня ночью... Чертъ меня возьми, если я сейчасъ же не велю отрѣзать языкъ, который мнѣ солгалъ. Приказать палачу калить желѣзо!

Когда Бертранъ услышалъ эти слова, произнесенныя взбѣшеннымъ Барономъ, по всѣмъ членамъ его пробѣжала холодная дрожь; но твердость духа его возвратилась и, будто бы желая отдать нѣкоторыя приказанія, онъ пошелъ искать Лариво.

— Бѣги сейчасъ же по слѣдамъ

брата и скажи ему, чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ сюда не возвращался; отъ этого зависитъ жизнь его... бѣги скорѣй!

Лариво отправился исполнить волю Бертрана, который самъ возвратился къ своему начальнику. Баронъ встрѣтилъ его и потащилъ въ общую залу.

— Плѣнника сюда! Кровь и смерть!— вскричалъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу, который разлетѣлся въ куски— привести измѣнника! я самъ займу сегодня мѣсто палача и отрѣжу лживый языкъ!

— Но ни кто не слушаетъ моихъ приказаній, — продолжалъ онъ громовымъ голосомъ.

Баронъ пришелъ въ изступленіе; глаза его налились кровью, лице побагровѣло; онъ ходилъ большими ша-

гами взадъ и впередъ, но залѣ и ломалъ все, что̀ ему ни попадало подъ руки.

— Лейтенантъ!—закричалъ онъ, обращаясь къ Бертрану, —что̀ это значитъ? Развѣ не могутъ съискать нашего плѣнника?

Солдаты пришли доложить, что плѣннаго не нашли.

— А!.. птица улетѣла изъ клѣтки, — продолжалъ Баронъ, бросая на Бертрана ужасный взглядъ, — я знаю, кѣмъ ее замѣнить; Бертранъ, ты мнѣ измѣнилъ!—и онъ такъ скоро побѣжалъ къ Бертрану, что этотъ едва успѣлъ схватиться за шпагу;—ты позволилъ плѣнику убѣжать... признайся!.. признайся, говорятъ тебѣ!.. кровь и смерть!

— Баронъ, я не позволю никому со мной такъ обходиться.

— Ты мнѣ не отвѣчаешь, — продолжалъ Баронъ, не обращая вниманія на его слова, — гдѣ плѣнникъ?

— Здѣсь! — закричалъ Жанъ, который вбѣжалъ въ эту минуту, едва переводя духъ.

Бертранъ остолбенѣлъ; Баронъ не много смутился, увидѣвъ, что ничто не оправдываетъ выходки его противъ ейтенанта.

— Палача! — закричалъ онъ, — каленаго желѣза!

Послышался ропотъ между присутствующими.

— Это что̀ значитъ? — спросилъ грозно Баронъ, — клянусь смертью и кровью, что, если я найду языкъ, который ропщетъ, я поступлю съ нимъ также какъ съ тѣмъ языкомъ, который солгалъ.

— Несчастный, что ты сдѣлалъ? — сказалъ Бертранъ, проходя мимо брата.

— То, что мнѣ честь приказываетъ!

— Палачь!—сказалъ капитанъ, когда этотъ вошелъ; возьми этого щеголя... и...

— Къ оружію! къ оружію! — раздалось со всѣхъ сторонъ.

Нѣсколько испуганныхъ солдатъ вбѣжало въ залу; Монлюкъ, воспользовавшись темнотою ночи, сдѣлалъ нападеніе на городъ. Приготовленія къ защитѣ не позволили Барону покончить свою месть; нужно было отложить казнь.

— Отведите его опять въ тюрьму!— сказалъ Баронъ, показывая на Жана,— и надѣть на него цѣпи. Лариво,—присовокупилъ онъ, обращаясь къ слугѣ

Бертрана, ты не будешь съ нами сражаться и останешься сторожить плѣнаго; не смѣй отходить отъ него ни на шагъ... слышишь?

Бѣднаго Жана заковали въ тяжелыя цѣпи, и Лариво повелъ его въ тюрьму; проходя мимо Бертрана, онъ помѣнялся съ нимъ взглядомъ. Эти два взгляда много означали для каждаго изъ нихъ; для одного: нужно ли спасти его? Для другого: будь молчаливъ!

И въ самомъ дѣлѣ, если бы только Баронъ узналъ родство между своимъ лейтенантомъ и плѣннымъ, тогда исчезла бы всякая надежда на избавленіе послѣдняго отъ казни.

Вскорѣ открылась пальба; Баронъ былъ храбрый воинъ и употребилъ все свое стараніе, отстоять городъ; хлад-

покровный и мужественный Бертранъ дрался возлѣ него; чрезъ нѣсколько часовъ, дѣло кончилось и Монлюкъ былъ отбитъ, съ значительной для него потерей.

Во время безпорядка, послѣ битвы, пока осажденные считали мертвыхъ и раненныхъ, поправляли обвалы и проломы въ укрѣпленіяхъ, капитанъ подошелъ къ Бертрану и, протянувъ ему руку, сказалъ:

— Бертранъ де Моле, ты дрался какъ храбрый воинъ; дай мнѣ руку и забудь мою запальчивость; я напрасно подозрѣвалъ тебя, и потому хочу исправить свою ошибку и дать тебѣ опасное порученіе: нужно пройти лагерь Монлюка и отнести письмо къ Монтабану. Могу ли на тебя положиться?

— Можете, капитанъ; дайте мнѣ нѣсколько минутъ для приготовленій и я — къ вашимъ услугамъ.

— Хорошо! клянусь кровью, Моклюкъ долго будетъ помнить нынѣшнюю ночь.-- Ну, иди, приготовляйся, а я напишу письмо.

Бертранъ удалился; но вмѣсто того, чтобы идти домой, онъ побѣжалъ прямо въ тюрьму. Лариво его ввелъ. Жанъ былъ блѣденъ, не отъ того, чтобы онъ боялся смерти, нѣтъ—ему досадно было. что неудалось поцѣловать матери въ послѣдній разъ.

— Сними цѣпи!—сказалъ Бертранъ. Лариво повиновался.

— Теперь, братъ, отправляйся; бѣги отсюда, или ты умрешь.

— Я не уйду, Бертранъ!—спокойно отвѣчалъ Жанъ де Моле.

— Такъ ты хочешь умереть, несчастный ребенокъ?

— Я согласенъ скорѣе умереть, нежели допустить, чтобы ты за меня пострадалъ.

— Какъ такъ?

— Твой слуга мнѣ все разсказалъ... злость тигра обрушилась на тебя, бѣдный братъ. Я такъ и ожидалъ, вотъ почему я воротился; теперь же не хочу бѣжать; я понимаю твое благородное самопожертвованіе.

— Жанъ... Тебя обманули, я небылъ въ опасности... оставь этотъ городъ, я тебя умоляю пока еще есть время... подумай о горести нашей матери...

— Не произноси этого имени... Бертранъ! мысль о ней можетъ сдѣлать

то, что я умру не такъ, какъ слѣдуетъ храброму воину.

Жанъ былъ видимо тронутъ; крупныя слезы градомъ катились по его щекамъ.

— Ты ее увидишь, потому что она вѣрно проститъ тебя, узнавши все, что ты для меня сдѣлалъ; ты скажешь ей, что я умеръ ... смертію храбраго ... на полѣ битвы; но я тебя умоляю, не произноси имени палача ...— присовокупилъ Жанъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Нѣтъ! ... клянусь небомъ, этого не будетъ: ты уйдешъ ссйчасъ же... я хочу непремѣнно!

— Я останусь!

— Я васъ понимаю, — вскричалъ Бертранъ, раздосадованный упрямствомъ своего брата;—вы хотите, чтобы

я упрекалъ себя въ вашей гибели... вы хотите, чтобы я былъ причиной вашей смерти!

— Братъ! не говори этого ...

— Нѣтъ, я скорѣе умру самъ. Вотъ, сударь,... возьмите этотъ кинжалъ, — сказалъ Бертранъ, выхватывая кинжалъ изъ за-пояса,—убейте меня; я не буду въ состояніи пережить—васъ, не хочу быть вашимъ убійцей ...

— Бертранъ, мой добрый братъ, зачѣмъ ты со мною такъ поступаешъ... будь великодушенъ... хотя изъ жалости... не предлагай мнѣ спасенія цѣною, можетъ быть, твоей жизни! Я теперь могу подумать, что ты меня очень мало уважаешь, если считаешь способнымъ сдѣлать поступокъ, неприличный имени де Моле, которое мы оба носимъ.

— Я ничего слышать не хочу. Пойдете ли вы?

— Я уйду изъ этой тюрьмы только для того, чтобы идти на казнь.

— Ну, такъ прощайте, сударь ... ваша настойчивость научила меня тому, что мнѣ остается дѣлать. Прощайте!

И онъ вышелъ съ видомъ человѣка, обиженнаго и тронутаго до глубины души.

— Братъ! Бертранъ!—кричалъ вслѣдъ ему Жанъ, въ слезахъ, которыхъ не въ состояніи былъ удержать.

— О! я его спасу! Непременно спасу!—говорилъ самому себѣ Бертранъ, возвращаясь къ Барону Дезъ-Адре,— Но какъ? Если я скажу Барону, что онъ мой братъ, — я только ускорю смерть его. Онъ будетъ радъ пока-

зать всѣмъ, что родственныя связи для него ничего не значатъ, когда дѣло идетъ о религіи ... Одно небо можетъ мнѣ теперь внушить благую мысль.

Лейтенантъ, получивъ депеши изъ рукъ своего начальника и еще нѣсколько словесныхъ приказаній, простился съ нимъ и вышелъ изъ города.

Солнце еще не восходило.

IV.

ВЕЛИКОДУШІЕ БЕРТРАНА.

Едва прошло два часа послѣ отбытія Бертрана, какъ Баронъ, который легъ отдохнуть, проснулся. Первая мысль его была о плѣнномъ. Онъ приказалъ привести его къ себѣ и сказать палачу, чтобы готовилъ свои приборы на главной площади. Жанъ, закованный въ цѣпи по рукамъ и по но-

гамъ, былъ немедленно приведенъ къ жестокому капитану.

— Ты здѣсь, подлый обманщикъ! — воскликнулъ Баронъ, увидѣвъ его; — еслибъ мы послушались твоихъ вѣроломныхъ совѣтовъ, то городъ былъ бы взятъ.

— Я надѣялся на это! — отвѣчалъ хладнокровно Жанъ.

— Такъ ты съ намѣреніемъ дался въ плѣнъ, измѣнникъ?

— Да!

— Вотъ твой смертный приговоръ! ты самъ его произнесъ.

— Знаю... такъ поспѣши же приказаніемъ готовить казнь... для тебя нѣтъ зрѣлища пріятнѣе крови; вели скорѣе убить меня.

— Такъ и будетъ, — возразилъ Баронъ, который еще болѣе разсердил-

ся услыша слова Жана, и приказалъ было вести несчастнаго молодаго человѣка на площадь, когда доложили ему, что къ стѣнамъ города подошелъ парламентеръ.

— Чего онъ отъ насъ хочетъ? позвать его сюда... но тебя онъ не спасетъ,— сказалъ онъ Жану,—прощай! палачь дожидается тебя на площади.

— Благодарю!— отвѣчалъ Жанъ съ отвращеніемъ,— мнѣ стало несносно твое присутствіе и я радъ уйти.

По знаку Барона, Жана вывели, а парламентера ввели.

— Что вамъ нужно?—спросилъ Баронъ, взбѣшенный хладнокровіемъ и смѣлостію несчастной жертвы.

— Я пришелъ требовать плѣнника, который теперь въ вашихъ рукахъ.

— Уже поздно!

— Ну, такъ я удалюсь, и велю казнить вашего лейтенанта, Бертрана де Моле.

— Что̀ вы говорите?—вскричалъ Баронъ, остолбенѣвъ отъ удивленія.

— Я говорю то, что сегодня ночью, послѣ атаки мы схватили вашего Лейтенанта; ему не нанесли никакого вреда, и я вамъ теперь предлагаю его жизнь за жизнь Жана де Моле.

— Жана де Моле! — повторилъ Бадалсяронъ,—его брата; измѣнникъ, онъ самъ въ плѣнъ, чтобы спасти брата... дѣлайте съ нимъ, что̀ хотите.

— Хорошо!.. я пойду... да велю его осмотрѣть; мы знаемъ, что онъ былъ посланъ съ важными депешами... пока мы надѣялись, что вы согласитесь на обмѣнъ, Монлюкъ не велѣлъ трогать его, даже не велѣлъ и допра-

шивать... но смертъ брата освободитъ насъ.

— Постойте! — сказалъ Баронъ и, подумавъ нѣсколько минутъ, присовокупилъ:—я согласенъ! — Онъ кликнулъ часоваго. Вошелъ солдатъ.

— Отнести это приказаніе палачу, и вели ему отпустить свою добычу... но скажи ему, что онъ можетъ утѣшиться, потому что сегодня же получитъ другую; кровь прольется все таже.

Палачъ уже схватилъ Жана, который, не защищаясь, покорился своей судьбѣ, когда пришло помилованіе. Никто немогъ понять причины небывалаго великодушія Барона. Но всѣ присутствовавшіе были очень рады; имъ нравилась смѣлость, съ какою Жанъ шелъ на смерть.

Плѣнникъ былъ сданъ на руки парламентеру; съ ними, пошелъ протестатскій офицеръ, чтобы привести Бертрана, который дожидался между городомъ и лагеремъ Монлюка.

Встрѣча братьевъ была очень радостна; Бертранъ былъ въ восторгѣ. Жанъ узналъ отъ Католическаго офицера благородный поступокъ своего брата, который отдался въ плѣнъ Монлюку съ тѣмъ, чтобы его спасти; онъ бросился къ нему на шею и со слезами на глазахъ благодарилъ.

— Братъ,—говорилъ онъ,—я тебѣ обязанъ жизнію; когда же я тебя опять увижу.

— Скоро, очень скоро, у нашей матери; я не хочу болѣе служить съ этимъ палачемъ и брошу его, не оставляя, однакожь, религіи.

— Берегитесь, — сказалъ Католическій офицеръ Бертрану, взявъ его за руку и отведя въ сторону такъ, чтобы Гугенотъ, бывшій съ ними не могъ ихъ слышать,—онъ хочетъ умертвить, васъ, не возвращайтесь къ нему.

— Нѣтъ, я долженъ идти!—отвѣчалъ Бертранъ,—чтобы возвратить депеши.

Братья назначили другъ другу свиданіе чрезъ недѣлю, въ замкѣ Моле.

Когда Бертранъ возвратился въ городъ, онъ нашелъ Барона на валу.

— Запереть ворота,—закричалъ Дезъ-Адре, когда увидѣлъ, что Бертранъ внутри ихъ, — господинъ де Моле, вы пришли мнѣ дать отчетъ въ исполненіи моего порученія.

— Баронъ!—отвѣчалъ съ твердостію Бертранъ, — я пришелъ сказать вамъ

что я съ сегодняшняго дня ничего общаго съ вами не имѣю.

— Хорошо!—отвѣчалъ Баронъ, едва удерживая свою злость, — но я вамъ клянусь, что еще сегодня вы будете имѣть дѣло съ палачемъ. Схватить его!— сказалъ онъ, обращаясь къ солдатамъ стоящимъ возлѣ; но никто не тронулся; Бертрана всѣ очень любили.— Развѣ никого не найдется исполнить мое приказаніе? кровь и смерть!

— Никого, какъ вы видите! — отвѣчалъ спокойно Бертранъ.

Въ это время принесли капитану ключи отъ всѣхъ воротъ.

— Ваше приказаніе исполнено, капитанъ, — сказалъ офицеръ, принесшій ихъ.

— Хорошо!—отвѣчалъ онъ, радостно улыбаясь,—теперь ты въ моихъ рукахъ,

Бертранъ де Моле, ты не можешь теперь выйти изъ города, ворота всѣ заперты.

— Исключая этихъ! — воскликнулъ Лариво, который потащилъ Бертрана къ калиткѣ, не замкнутой по его распоряженіямъ.

Баронъ вышелъ изъ себя; онъ приказалъ стрѣлять по бѣглецамъ; солдаты повиновались и дали нѣсколько выстрѣловъ.

Бертранъ и Жанъ сдержали слово: чрезъ недѣлю они были въ замкѣ у своей матери. Бѣдная женщина простила старшему сыну то, что она называла его ошибками, и обѣщалась никогда не говорить съ нимъ объ его религіи.

— Ты мнѣ спасъ жизнь, милый братъ,—безпрестанно повторялъ Жанъ,—удастся ли мнѣ, когда нибудь, уплатить этотъ долгъ.

Этотъ случай ему представился только въ Августѣ мѣсяцѣ 1572 года, во время страшной Варѳоломѣевской ночи. Жанъ къ тому времени уже оставилъ шпагу и постригся въ монахи, послѣ кончины своей матери. Жану, въ эту страшную ночь удалось спасти отъ смерти двѣнадцать протестантовъ и въ томъ числѣ своего любимаго брата.

ОТЕЦЪ РЕМЕСЛЕННИКЪ,

ИЛИ

НАКАЗАННАЯ ГОРДОСТЬ.

КОМЕДІЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Жиро, каменьщикъ.
Маргарита, жена его.
Луиза } дѣти ихъ.
Феликсъ }
Мэръ деревни.
Клодъ, подмастерье.
Крестьяне.

Театръ представляетъ скромную комнату. Простая, но чистая мебель. Въ глубинѣ дверь на дорогу, съ каждой стороны двери по окну. Изъ лѣваго окна видѣнъ колодезь. На право и на лѣво на второмъ планѣ по двери, первая ведетъ во внутреннія комнаты, вторая на птичій дворъ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

Луиза одна, (*при поднятіи занавѣса, она вытираетъ пыль съ мебели*), потомъ Клодъ.

Луиза. Ну вотъ почти все готово въ нашемъ домѣ... и я могу смѣло сказать, что едва-ли во всемъ Куломье найдется такая чистота въ хозяйствѣ... Маменька будетъ довольна мною и увидитъ, что я воспользовалась ея уроками.

Она всегда мнѣ повторяетъ:
Во всемъ порядокъ, чистота
Насъ бѣдняковъ обогащаетъ;
Что и въ одеждѣ простота
Къ лицу идетъ и всѣмъ милѣй,
Чѣмъ всѣ убранства богачей
Изъ злата, жемчугу, парчей;
И я во всемъ согласна съ ней.

Клодъ *(за сценой)*. Ай!.. ай!.. отпустишь ли ты меня, проклятая птица!

Луиза. А, вотъ и Клодъ опять возится съ своими индюшками.

Клодъ (*быстро вбѣгая въ лѣвую дверь.*) Окаянная птица! какъ она меня ущипнула, прямо въ середину спины... она думаетъ не больно.

Луиза (*смѣется.*) Ха! ха! ха! мой бѣдный Клодъ, что съ тобой опять случилось?

Клодъ. Правду сказать, этотъ большой индюкъ пресердитый... я не знаю животнаго, злѣе его... Послушайте... я вамъ все разскажу. Вы знаете, мамзель Луиза, что каждый день, по окончаніи работы, я раздаю пищу моимъ милымъ индюшкамъ... ну, а этотъ прожорливъ, да какъ еще про-

жорливъ, онъ даже похудѣлъ отъ прожорливости: она ему въ прокъ не идетъ... потому, что онъ ѣстъ слишкомъ скоро и я ему почти ничего не даю... въ слѣдствіе этого онъ меня сегодня ущипнулъ... да какъ еще ущипнулъ... О! У него такой дурной нравъ... золъ...

Луиза (*смѣясь.*) Какъ индѣйской пѣтухъ!

Клодъ (*съ обиженнымъ видомъ.*) Этого сказать никакъ нельзя... это очень несправедливо... Индѣйки отъ природы очень добры... кромѣ этого большаго проклятаго щипаки... надобно видѣть, какъ я ихъ холю... я ношу ихъ у сердца... я люблю ихъ...

Луиза (*весело.*) Какъ отецъ любитъ своихъ дѣтей.

Клодъ. О! нѣтъ, оно не доходитъ до этого...

Отъ любви я весь дрожу,
Какъ на индюшекъ погляжу;
И никогда я не тужу,
Какъ съ ними посижу.
Когда же къ нимъ я подхожу,
То самъ съ ума схожу,
И время, какъ ни погляжу,
Пріятно провожу.

Бѣдныя птички, какъ онѣ милы; одна изъ нихъ въ особенности. (*Онъ разстворяетъ дверь на лѣво.*) Посмотрите, вотъ она, она меня видитъ и проситъ у меня гостинчику. (*приласкивая ихъ*) пстъ! пстъ! пстъ! Гдѣ она, моя милашка, ну улыбнитесь, ну же, ну, сейчасъ. (*Запираетъ дверь.*) Что за сокровище... а другой... большой... я его ненавижу... онъ способенъ обезчестить всю свою породу... посмотрите... ну вотъ толь-

ко объ немъ вспомнилъ... меня такъ и мутитъ... пойду съѣмъ краюху хлѣба, чтобы успокоиться. (*Идетъ къ шкапу и отрызываетъ себѣ ломоть хльба.*)

Луиза. Да это уже въ четвертый разъ сегодня.

Клодъ. Знаю... но вотъ видите, когда я бываю разстроенъ, мнѣ оно необходимо ... (*показывая хльбъ*) при томъ, мы сегодня не работаемъ, а я не люблю ничего не дѣлать. (*кусаетъ хльбъ.*) Но кстати... почему у насъ сегодня нѣтъ работы.

Луиза. Сегодня праздникъ.

Клодъ. Ба! да что̀ за праздникъ? можетъ быть, я имянинникъ?

Луиза. Нѣтъ, нѣтъ... сегодня ждутъ моего брата, онъ возвращается изъ университета... вотъ уже семь

лѣтъ, какъ онъ насъ оставилъ... и ты можешь разсудить, что въ такой день не работаютъ...

Клодъ. Господинъ Фелискъ возвращается?... тѣмъ хуже!

Луиза. Да почему же такъ?

Клодъ. Да я боюсь, будетъ пиръ горой.

Луиза. Ты этого боишься... Лакомка?

Клодъ. Пиръ-то, самъ по себѣ, меня не пугаетъ... ну, а если велятъ зарѣзать индюшку... при одной мысли объ этомъ у меня дрожь по всѣмъ жилкамъ пробѣгаетъ.

Луиза. Конечно, оно возможно... но послушай... мы ничего не можемъ пожалѣть для Феликса... мальчикъ, который каждый годъ удостоивался наградъ,... который, конечно

и теперь не придетъ съ пустыми руками... я въ этомъ вполнѣ увѣрена... онъ кончилъ курсъ наукъ; папенька говорилъ еще сегодня утромъ: „если бы мой сынъ получилъ первую награду!“

Клодъ. Да, къ тому оно очень трудно! Жерменъ Пилонъ получилъ ее нынѣшнимъ годомъ, на праздникѣ, когда взлѣзъ на гладкую мачту...

Луиза. Какъ ты глупъ, любезный Клодъ: эта награда — за публичный экзаменъ...

Клодъ. А! за экзаменъ...

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже и Маргарита.

Маргарита. (*входя.*) Что такое... что это... здѣсь болтаютъ вмѣсто то-

го, чтобы работать... чисто ли здѣсь... (*осматривая комнату*:) ну, хорошо Луиза, я довольна тобой (*Клоду*). А ты, лѣнтяй, ты ничего не дѣлаешь?..

Клодъ. Я ничего не дѣлаю? Да посмотрите, хозяюшка, я ѣмъ.

Маргарита. О, въ этомъ дѣлѣ ты никогда ни отстаешь... обжора... Ну,... ѣшь... сегодня для насъ большой праздникъ, и мнѣ не хочется браниться. Луиза, ты не знаешь, куда дѣвался отецъ?

Луиза. Нѣтъ, маменька, онъ вышелъ еще рано утромъ.

Маргарита. Неужели онъ пошелъ на работу?... Да онъ обѣщался мнѣ отдыхать сегодня... этотъ человѣкъ всегда трудится, какъ лошадь... (*Клоду*) не такъ, какъ ты.

Клодъ. Хозяйка, ... когда я возьмусь за дѣло, то ...

Маргарита. Правда ... но ты никогда не принимаешься ... да гдѣ же Жиро? А! въ самомъ дѣлѣ ... онъ всю ночь не спалъ, ожидая возвращенія своего сына и вѣрно пошелъ въ городъ провѣдать новости.

Луиза. Бѣдный Феликсъ! какую мы найдемъ въ немъ перемѣну.

Маргарита. Я думаю! и какъ онъ долженъ быть ученъ; семь лѣтъ—мы его не видали, онъ вѣрно сдѣлался красавцемъ ... ну вотъ, видишь ли ... теперь, когда я скоро его опять увижу, я довольна, что отецъ твой удалилъ его отъ насъ на столько времени ... перемѣна въ немъ будетъ для меня теперь нечаянностію.

Луиза. Однако странно, что панель-

ка не желалъ, чтобы онъ приходилъ къ намъ...

Клодъ. И въ самомъ дѣлѣ! отъ Парижа не далеко, ему легко было бы дошагать сюда... такъ какъ онъ получалъ награды.

Маргарита. Ну, да воля отца... у него свои причуды... но это не мѣшаетъ ему быть отличнымъ человѣкомъ, который трудился въ потѣ лица, чтобы воспитать сына.

Луиза. И за это онъ уже вознагражденъ... Феликсъ имѣлъ во всемъ и всегда удачи.

Маргарита. Не считая того, что онъ и нынѣ вѣрно получилъ награду!.. но, вмѣсто того, чтобы болтать... надобно подумать о нарядахъ, потому что, если сынокъ придетъ сегодня, намъ нужно будетъ и принарядиться.

Луиза. Конечно, маменька.

Пойду скорѣй принарядиться;
Я не кокетка, но наряды
Люблю, въ нихъ лучше веселиться,
И дѣвушки всегда имъ рады.

Клодъ.

Хочу и я принарядиться,
Теперь все моды... туалеты,
И какъ тому не подивиться,
Что украшаютъ и котлеты.

Я пойду и натяну на себя нанковыя панталоны и праздничный фракъ съ длинными фалдами.

Маргарита. Ты пойдешь и обѣгаешь всюду... ты долженъ непремѣнно отыскать хозяина.

Клодъ. Какъ, вы хотите?..

Маргарита. Чтобы ты немедленно отправился. (*прислушиваясь.*) Что я слышу? Кто это идетъ?

Жиро. (*за сценой.*) Жена! Жена!

Маргарита. Боже мой! это онъ... что съ нимъ случилось.

Клодъ (*въ сторону*). Вотъ, я и воротился...

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже и Жиро.

Жиро. (*Входитъ въ среднюю дверь. Онъ запыхался и падаетъ на стулъ отъ усталости*). Уфъ! усталъ, какъ ломовая лошадь... если бы ты знала, жена...

Маргарита. (*съ безпокойствомъ*). Боже мой! да что съ тобой, Жиро; откуда ты пришелъ такой усталый?

Жиро. Откуда я пришелъ? я пришелъ изъ Куломье, да еще всю дорогу бѣгомъ.

Клодъ. Три четверти мили!

Жиро. И добрыя три четверти! но

мнѣ не показалось столько... если бы ты знала, жена, какое хорошее извѣстіе!.. Во первыхъ: письмо отъ сына.

Маргарита. (*съ живостью*). Онъ будетъ?

Жиро. Сегодня... скоро.

Вмѣстѣ. { Маргарита. Мой сынъ!
Луиза. Мой братъ!
Клодъ. Господинъ Феликсъ!

Маргарита. Боже мой! какъ мое сердце бьется, я вся дрожу.

Клодъ. И я также, пойду съѣмъ краюху хлѣба.

Жиро. Но это все ничего... Вотъ газета, и въ ней-то заключается самое главное, наше счастіе... малый въ письмѣ мнѣ ничего не говоритъ... всего двѣ строчки: „Батюшка, я буду у васъ 23 Августа.“ Это показалось мнѣ довольно холодно, но когда я

прочиталъ эту газету, я все понялъ... онъ хотѣлъ удивить насъ.

Маргарита. Ну что̀жь!... что̀ же въ газетѣ написано?

Луиза. Да скажи намъ, папаша.

Клодъ. Я весь преобратился въ уши... въ преогромнѣйшія уши...

Жиро. Ты знаешь, жена, чего я ожидалъ... я ожидалъ, что Феликсъ получитъ первую награду...

Маргарита. И что̀ же?

Жиро *(торжественно)*. И что же? Дѣтушки, это правда! онъ получилъ ее... это напечатано въ газетѣ... слушайте. . *(читаетъ.)* „Первой награды удостоился молодой Феликсъ Жиро, изъ Куломье“...

Маргарита. Богъ мой! возможно ли?

Жиро. Вѣрно что возможно, если

оно, вотъ тутъ, написано ... значитъ возможно; да на, вотъ, читай сама.

Маргарита. Да ты знаешь, я не умѣю.

Жиро. Правда... я и забылъ... что для тебя не раззорялись платою въ школу...

Луиза. *(которая взяла газету и читала.)* Да! да! правда... о Феликсѣ Жиро напечатана цѣлая страница...

Жиро. Но это не все... читай далѣе... пониже...

Луиза. *(взглянувъ.)* Боже мой!

Маргарита. Что такое?

Луиза *(читаетъ.)* „Молодой Феликсъ Жиро обѣдалъ сегодня во дворцѣ!“

Маргарита. У Короля... нашъ сынъ! Обѣдалъ во дворцѣ!

Жиро. Ни болѣе, ни менѣе, какъ какой-нибудь, вельможа.

Клодъ. Во дворцѣ! должно быть очень вкусно... подумаешь, почему я никогда не получалъ первой награды!...

Луиза. Обѣдать во дворцѣ... какъ онъ этимъ будетъ гордиться.

Жиро. Онъ... чертъ возми!

Тебѣ скажу, я гордость ненавижу,
Она къ добру не поведетъ,
И въ ней я только глупость вижу,
Лишь дуракамъ къ лицу она идетъ.
Мой сынъ—гордецъ! — надѣюсь, нѣтъ...
Гордиться нѣтъ... онъ не посмѣетъ.
А то, пожалуй,—зная свѣтъ,
Увидя насъ, онъ покраснѣетъ.

Маргарита. Замолчи, пожалуйста...

Жиро. Ты правду говоришь... давайте лучше думать, какъ его принять...

Маргарита. Скажи, пожалуйста... я боюсь, что столъ нашъ не понравится ему послѣ обѣда во дворцѣ.

Жиро. Ну, что же изъ этого слѣдуетъ? вчера во дворцѣ, а сегодня у отца своего, у ремесленника... надобно пользоваться погодой какая ни есть, и кушать супъ какой ни попадется... къ чему столько толковъ... сегодня, чтобы отпраздновать его пріѣздъ, маленькое угощеніе... а завтра — обыкновенный супъ... поди вотъ, ты ужь принимаешь нашего Феликса за вельможу?...

Маргарита. Ну, хорошо, хорошо... что сказано, то сказано, сегодня зададимъ пирушку... посмотримъ, что же можно будетъ ему дать?

Клодъ. Хозяйка... хорошій горохъ съ свинымъ жиромъ... ну, вотъ только вспомню, такъ слюнки и текутъ.

Маргарита. Горохъ! что ты; надобно что-нибудь получше... Луиза,

бѣги въ кухню, да подготовь супъ... а ты, Клодъ, пошелъ на птичій дворъ и сверни-ка шею индюшкѣ.

Клодъ. *(остолбнѣвъ.)* Что?...

Жиро. Развѣ ты не слышишь? Индѣйку!... дуракъ, индѣйку!..

Маргарита. Да выбери самую жирную.

Клодъ. *(въ сторону).* Самую жирную! какъ разъ моего любимца... Бръ... Бръ... дрожь пробѣгаетъ по всѣмъ жиламъ...

Маргарита. Ну, скорѣй... скорѣй...

Ну живѣе шевелися,

(Лупзь.)

Въ кухню ты иди скорѣй;

(Клоду.)

Клодъ, смотри же, не лѣнися
И индѣйку намъ убей.

Жиро.

Скоро будетъ сынъ у насъ,
И боюсь, ну, что жъ смѣлѣй!..

Луиза. *(Клоду тихо.)*

Печку растоплю какъ разъ,
Выбирай же пожирнѣй.

Клодъ. *(въ сторону.)* У... У... У... что за мысль! я отомщу! я ужасно отомщу... А! ты меня уциппулъ... постой!.. постой!..

Жиро и Маргарита.

Въ | Ну живѣе шевелися,
Въ кухню ты иди скорѣй,
Клодъ, смотри же, не лѣнися,
И индѣйку намъ убей.

Луиза.

Ну живѣе шевелися,
Въ кухню я пойду скорѣй,
Клодъ, смотри же, не лѣнися
И индѣйку намъ убей.

Клодъ.

Ну живѣе шевелиться,
Идите въ кухню поскорѣй,
Но зачѣмъ мнѣ торопиться,
Говорятъ индѣйку бей.

(Клодъ и Луиза выходятъ въ разныя двери.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Жиро и Маргарита.

Жиро. Ну, жена, пошевеливайся... приготовь мнѣ одѣться... мою плисовую куртку... Чистую рубаху... да поворачивайся...

Маргарита. Хорошо! хорошо! сейчасъ... экъ ты торопишься...

Жиро. Вотъ видишь ли, я не могу усидѣть на мѣстѣ... я одѣнусь и пойду въ городъ на встрѣчу сыну.

Маргарита. Такъ... такъ, чтобы заболѣть .. Не хочу, не позволю.

Жиро. Та, та, та, сударыня, я приказываю, а ты знаешь, Маргарита, что все то, что̀ приходитъ мнѣ въ голову, не сидитъ у меня въ ногахъ, и когда я говорю: „я хочу;“ это тоже, какъ

будтобы я сказалъ: не должно быть возраженій . .

Маргарита. Знаю, знаю! ты первый въ околоткѣ упрямецъ. . .

Жиро. Когда мнѣ что нибудь кажется должнымъ. . .

Маргарита. Ты ни за что не уступишь.

Жиро. И оно всегда выходитъ хорошо. . . еслибъ я тебя послушался, сынъ нашъ не былъ бы тѣмъ, что онъ теперь.

Маргарита. Это — совершенная правда.

Жиро. Ты мнѣ всегда говорила:— Жиро, ты убьешь себя, работая такъ много. Ну, а я отвѣчалъ тебѣ: кто же будетъ платить за сына? Тогда ты вздергивала плечами, ворча себѣ подъ носъ: большая польза сдѣлать его та-

кимъ ученымъ .. Къ чему это поведетъ? Теперь ты видишь, къ чему это повело! онъ получилъ первую награду, и вотъ теперь будущность его обезпечена... Онъ можетъ выбрать какой захочетъ родъ службы; все можно сдѣлать, когда получишь первую награду.

Маргарита. Да...ты очень хорошо сдѣлалъ, что не уступилъ мнѣ тогда... Но что же онъ будетъ дѣлать? я увѣрена, что ты объ этомъ и не подумалъ.

Жиро. (*насмѣшливо.*) А, такъ ты увѣрена! ну, а если ты увѣрена, такъ не стоитъ тебя и разувѣрять...подика, принеси мнѣ мою куртку; (*въ сторону.*) я не скажу ей, что писалъ г-ну Римберту, нашему депутату... это будетъ для нея нечаянностію.

Маргарита. Ну, такъ какъ ты непремѣнно хочешь бѣжать въ городъ, то иди одѣваться.

Жиро. Ага! теперь ты соглашаешься?

Маргарита. Что́ же дѣлать, тебѣ надобно всегда уступать.

Ты упрямецъ, всѣмъ извѣстно,
И съ тобой не сговоришь.
И тебѣ всегда такъ лестно,
Когда предъ тобой дрожишь.

Вмѣстѣ.

Маргарита (*повторяетъ куплетъ.*)

Жиро.

Я упрямецъ, всѣмъ извѣстно,
И со мной не сговоришь,
И всегда мнѣ очень лестно;
Какъ передо мной дрожишь.

(*Оба уходятъ въ боковую дверь на право.*)

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Клодъ. (*одинъ.*)

(*Входитъ, держа въ рукахъ ощипанную индѣйку.*)

А! ты меня ущипнулъ! да еще въ весьма чувствительное мѣсто! ну чтожъ...я тебя самаго ощипалъ! иди на вертелъ и жарься, какъ величайшій злодѣй въ мірѣ; какимъ ты и былъ въ самомъ дѣлѣ...ужасная птица! поди, займи мѣсто моего бѣднаго любимчика... самаго жирнаго... Только вспомню, такъ и дрожу, какъ осиновый листъ...зарѣзать бѣдную индюшку....Теперь же я очистилъ птичій дворъ. Я знаю, оно не все равно... они спрашиваютъ жирнаго, а этотъ худъ—какъ кукушка... пускай себѣ, только бы не замѣтили.. ну, да чертъ

возьми! пойду, самъ его зажарю...и наряжусь въ нанковыя штаны и во фракъ съ длинными фалдами.

(выходитъ въ среднюю дверь.)

—

ЯВЛЕНІЕ. VI.

Жиро и Маргарита, потомъ Луиза.

Жиро. *(входитъ безъ куртки)*. Ну, вотъ я и готовъ... Ну, жена, поскорѣй вычисти щеткой мою куртку.

Маргарита. *(смотритъ.)* Эта куртка гнѣздо пыли.

Жиро. *(беретъ у нея куртку)*. Дайка мнѣ... я самъ почищу; это меня займетъ... пока не обниму сына, я буду величайшимъ лѣнтяемъ.

Луиза. *(входитъ съ лѣвой стороны)*. Обѣдъ скоро будетъ готовъ...

и я переодѣлась. Не накрыть ли на столъ?

Маргарита. Конечно, Луиза... Постой, я тебѣ помогу...

(Онѣ накрываютъ на столъ).

У стола подвинь же ножки!

Луиза. *(Въ сторону передавая тарелки.)*

Братъ мой скоро будетъ къ намъ!

Маргарита.

Передай—тарелки, ложки!

Луиза. *(въ сторону.)*

Меня узнаетъ ли онъ самъ...

Маргарита. *(про себя.)*

Гдѣ бы индюка поставить?..

Луиза. *(въ сторону.)*

Къ сердцу я его прижму...

Маргарита. *(также.)*

Только бы не пережарить,

Луиза. *(также.)*

Разцѣлую, обниму.

Жиро *(надѣвая куртку.)* Ну, вотъ,

я совсѣмъ готовъ... теперь бѣгу... прощай жена...

Маргарита. (*грустно.*) Прощай, Жиро!

Жиро. (*останавливаясь на порогѣ*). Нѣтъ, не пойду! (*возвращается на авань-сцену и бросаетъ шапку*); какой я эгоистъ! объ этомъ я и не подумалъ...

Маргарита. Что такое?

Жиро. Что? что? а то, что я большой эгоистъ...и что, если ты остаешься здѣсь, то и я точно также долженъ его здѣсь дожидаться...

Когда сынокъ къ намъ возвратится,
Не смѣю первымъ я обнять,
По правдѣ, долженъ я стыдиться...
Грѣшно тебя мнѣ обижать.
И между насъ, мы знаемъ сами,
(*Показывая на себя и на жену.*)
Тутъ зависти не должно быть
И первый поцѣлуй межъ нами.
Жена, онъ долженъ раздѣлить.

Маргарита. (*съ чувствомъ.*) Благодарю тебя Жиро... я думала объ этомъ... но не смѣла тебѣ сказать.

Жиро. А я пока подумаю о радости его... я увѣренъ, что у него будутъ слезы на глазахъ.

Луиза. (*которая глядѣла въ окно.*) Папенька... посмотрите, какая толпа идетъ сюда... да посмотрите же.

Жиро. (*смотритъ*). Въ самомъ дѣлѣ! странно, однакожъ; впереди идетъ Мэръ .. возлѣ него прекрасный молодой человѣкъ... что, жена, если это...

Маргарита. Поди...

(*Голоса за сценой*).

Да здравствуетъ Феликсъ Жиро!

Жиро. (*сквозь слезы*). Это онъ... жена; это онъ.

Луиза. Братъ!

Маргарита. Боже мой! на меня это странно дѣйствуетъ: даже въ глазахъ потѣмнѣло.

(*падаетъ на стулъ. Голоса громче за сценой*).

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣже, Феликсъ, Мэръ и крестьяне.(*)

(*Феликсъ входитъ въ сопровожденіи Мэра. Два крестьянина несутъ первую награду и кладутъ ее на столъ въ заднемъ углу, у лѣваго окна*).

Хоръ.

Онъ награду получилъ
И нашъ городокъ прославилъ.
Все трудами з служилъ,
Память по себѣ оставилъ.

(*) Крестьяне могутъ оставаться, если мѣсто не позволитъ, за кулисами.

Маргарита и Жиро. (*бросаются къ сыну.*) Сынъ мой! дитя наше!

Феликсъ. Извините, батюшка... позвольте мнѣ прежде поблагодарить г-на Мэра за честь, которую онъ мнѣ сдѣлалъ.

(*Жиро и Маргарита переходятъ на авансцену; Жиро, по видимому, раздосадованъ.*)

Мэръ. Вы достойны этихъ почестей, молодой человѣкъ; своими успѣхами вы прославили свою родину, Куломье, и весь городъ послалъ меня, какъ своего представителя, благодарить васъ.

Всѣ. Да здравствуетъ Феликсъ Жиро!

Мэръ. Муниципальный совѣтъ рѣшилъ единогласно предложить вамъ обѣдъ завтра въ городской думѣ... и мы надѣемся, что вы не откажетесь

принять это доказательство всеобщей благодарности.

Феликсъ. О! сколько чести, господинъ Мэръ!..

Маргарита. (*тихо Жиро.*) Ну, что, старикъ! какія почести? Неужели ты все еще не доволенъ?

Жиро. (*тихо Маргаритѣ.*) Все это очень хорошо... но мнѣ бы гораздо больше понравилось, еслибъ сынъ насъ обнялъ.

Мэръ. (*Феликсу.*) Мы удалимся, молодой человѣкъ; я замѣчаю, что наше присутствіе мѣшаетъ вамъ поцѣловать вашихъ родителей. Они не должны напрасно протягивать къ вамъ руки.

Жиро. Хорошо сказано, г. Мэръ.

Феликсъ. (*подходитъ къ отцу, и цѣлуетъ его, потомъ къ Маргаритѣ*). Батюшка! матушка!

Жиро. (*въ сторону.*) Все равно... ему нужно было это напомнить...

Хоръ.

Онъ награду получилъ,
И нашъ городокъ прославилъ.
Все трудами заслужилъ,
Память по себѣ оставилъ.

(*Мэръ и крестьяне выходятъ*; *Феликсъ провожаетъ Мэра.*)

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Маргарита. (*Жиро*) Что съ тобой, другъ мой? ты, кажется, не доволенъ.

Жиро. (*сердито.*) Кажется.. кажется, я не въ духѣ!.. да, это правда, мальчикъ-то, кажется, болѣе занятъ своими почестями, чѣмъ нами...

Маргарита. Не сердись на него... это первая минута... но ты увидишь, не много погодя...

Луиза. Однако, мамаша, право смѣшно: братъ мнѣ еще ничего не сказалъ.

Маргарита. Онъ, вѣрно, тебя не узналъ. (*Феликсу, который возвращается.*) Ну, что́ ты ничего не скажешь этой дѣвушкѣ... развѣ ты не помнишь маленькой Луизы.

Феликсъ. Сестра моя?

Маргарита. (*толкая Луизу къ нему.*) Конечно... поцѣлуй же ее...

Феликсъ. (*цьлуетъ ее въ лобъ.*) Здравствуй, сестрица. (*Жиро.*) Ну что́, батюшка, довольны ли вы моимъ успѣхомъ. О! я съ ума схожу... я не смѣю и думать, что это правда...все это мнѣ кажется сномъ.

Какая честь,
Какая слава,
Награда первая моя.
Какая честь,
Какая слава,
И вѣдь всему причиной я.

Съ какою завистью глядѣли.
Мои товарищи, когда
Литавры, трубы зазвенѣли.
Я впереди, стоялъ дрожа,
Мнѣ на чело вѣнокъ надѣли;
Въ награду дали кипу книгъ,
И золотомъ на нихъ блестѣли
Вся почесть, слава дѣлъ моихъ.

Но вы мнѣ ничего не говорите, батюшка, можетъ быть вы не знаете, какъ все это прекрасно... вы не были въ училищѣ...

Жиро. (*Ударяя на каждое слово.*) Правда! мой отецъ не отказывалъ себѣ во всемъ, чтобы сдѣлать изъ меня ученаго... онъ, можетъ быть, говорилъ себѣ:—когда сынъ всему выучится, онъ забудетъ своего бѣднаго отца... онъ не вспомнитъ всѣхъ его пожертвованій и не найдетъ ни одного слова благодарности.

Феликсъ. (*который ничего не слыхалъ.*) Если бы вы знали, какъ хорошъ мой подарокъ! Двадцать томовъ! и мои заслуги начертаны на нихъ золотыми буквами.

Луиза. (*которая между тѣмъ приготовила, вмѣстѣ съ матерью, столъ.*) Обѣдъ готовъ и поданъ на столъ!

Жиро. (*который болѣе и болѣе сердится.*) Ну, садитесь... да поскорѣе! (*въ сторону,*) и ни полслова, благодарности мнѣ!

Маргарита. Ну, Феликсъ, садись сюда... между отцемъ и мной... тебѣ всѣ почести сегодня... да гдѣ же ты?

Феликсъ. (*который ушелъ назадъ и глядитъ на книги.*) Университетъ

Франціи . . . первая награда. (*Цѣлуетъ книги.*)

Жиро (*сердито*) Чертъ возьми! скороли ты кончишь цѣловать эти книги, садись за столъ, и дѣлай то, что́ другіе дѣлаютъ.

Феликсъ. Сейчасъ, батюшка, иду.

Маргарита. (*Жиро.*) Послушай, Жиро, ка́къ ты ворчишь на него . . .

Жиро. Я не въ силахъ удерживаться... (*всѣ садятся къ столу.*)

Луиза. Миленькій братецъ! ты мнѣ скажешь хорошь ли супъ ... я очень старалась сдѣлать его повкуснѣе; сегодня все должно быть лучше обыкновеннаго.

Феликсъ (*Маргаритѣ, которая разливаетъ супъ.*) Немножко, маменька, я не голоденъ.

Маргарита. Ты не голоденъ! Послѣ дороги?

Феликсъ. (*запинаясь.*) Я... я... обѣдалъ... въ Куломье у товарища... (*Жиро отталкиваетъ тарелку свою на средину стола.*)

Маргарита. (*Жиро*). Что съ тобой, дружокъ мой?

Жиро. Ничего!

Феликсъ. (*который замѣтилъ движеніе своего отца*). Ну, да все равно... я могу еще поѣсть немного.

Луиза. Ну что, братъ... скажи же, хорошъ ли супъ?

Маргарита. Конечно, онъ не можетъ быть такъ хорошъ, какъ во дворцѣ.

Феликсъ. О, еслибы вы видѣли, какіе все были приборы... вездѣ серебро...

Маргарита. У насъ, Феликсъ, на счетъ серебра, ничего нѣтъ, кромѣ олова.

Жиро. Развѣ ты боишься, что ему олово ротъ обдеретъ? Онъ обѣдалъ во дворцѣ... это не причина презирать обѣдъ своего отца.

Феликсъ. Батюшка... я васъ увѣряю...

Маргарита. (*прерывая его.*) Ну, ну, мальчикъ привыкнетъ со временемъ къ нашей пищѣ... но гдѣ же Клодъ? онъ никогда къ обѣду не опаздываетъ. Клодъ! Клодъ!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣже и Клодъ.

Клодъ. Здѣсь... хозяйка, здѣсь, я занимался туалетомъ въ честь господина Фелиска. А! вотъ и онъ... здравствуйте г. Фелискъ; извините, что я съ вами долѣе не разговариваю, вотъ супъ дѣлаетъ мнѣ глазки, да еще какіе глазки. (*садится и ѣстъ*).

Луиза. (*смѣясь.*) Берегись же... ты обожжешься.

Маргарита. Ну-ка, примемся за индѣйку!

Клодъ. (*въ сторону*). Ай! ай! настала страшная минута... они непремѣнно замѣтятъ.

Луиза. Что́ съ тобой? ты пересталъ ѣсть потому, что заговорили объ индѣйкѣ.

Клодъ. Я думалъ, что меня звали... (*въ сторону*) я точно весь во льду.

Маргарита. Ай! ай! какая худощавая! что это за селедка?

Жиро. Ну, что́жь! какова ни есть, рѣжь...

Маргарита. Послушай, Клодъ... ты развѣ не слыхалъ, что я приказывала тебѣ выбрать самую жирную.

Клодъ. (*смѣшавшись.*) Простите,

хозяйка... я хотѣлъ зарѣзать самую жирную... но, вообразите, она вырвалась... а худощавая подвернулась...

Луиза. (*тихо Клоду.*) Лгунъ!.. я увѣрена, что это мщеніе...

Клодъ. (*также*). Какъ вы можете это думать...

Маргарита. Да какая жесткая!

Клодъ. (*въ сторону.*) О, это отъ злости!

Маргарита. Какъ жаль! мнѣ такъ хотѣлось угостить сына.

Феликсъ. Благодарю, матушка... я не голоденъ... и, если вы позволите... я пойду спрятать награду. (*встаетъ и идетъ къ столу, на которомъ лежатъ книги.*)

Жиро. (*встаетъ и въ сторону*). Я не могу болѣе удержаться... я долженъ съ нимъ говорить... (*вслухъ*) сынъ,

останься здѣсь! Мнѣ нужно тебѣ сказать два слова... а вы, прочіе, подите посмотрите въ другой комнатѣ, тамъ ли я...

Маргарита. Пойдемъ, Луиза... (*тихо Жиро.*) не будь съ нимъ слишкомъ строгъ; слышишь?

Жиро. Будь спокойна.

Клодъ. (*взявъ лапу индѣйки*), А! ты меня ущипнулъ!

Жиро. Ну ступайте, ступайте скорѣй... и не мѣшайте мнѣ, я хочу слова два сказать сыну.

Клодъ. (*держитъ лапу.*) Я тебя съѣмъ, и это будетъ достойное наказаніе за всѣ твои пакости; я теперь вижу ясно, что твое мясо также жестко, какъ и сердце... А, ты меня ущипнулъ! (*Всѣ выходятъ. Клодъ гложетъ кость индѣйки.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

Жиро и Феликсъ.

Феликсъ. Вы со мной хотите говорить, батюшка?

Жиро. Да, если это тебя не обезпокоитъ?

Феликсъ. Помилуйте!

Жиро. Кто знаетъ? можетъ быть, тебѣ болѣе бы хотѣлось пойти спрятать награду... нынѣ очень часто бываетъ... что сыновья предпочитаютъ награды родителямъ.

Феликсъ. Что вы этимъ хотите сказать?

Жиро. *(въ сторону.)* Постой, я тебѣ сейчасъ объясню.

Феликсъ. Въ самомъ дѣлѣ, батюшка... вы точно, кажется, не довольны моими успѣхами... вы меня даже не поздравили.

Жиро. *(въ сторону.)* Постой... сейчасъ.

Феликсъ. Когда я шелъ сюда, я ожидалъ совершенно другаго пріема... и я увѣряю васъ, что вы меня встрѣтили...

Жиро. А, тебѣ не нравится мой пріемъ... ну, правду сказать, и твой приходъ не доставилъ мнѣ большаго удовольствія.

Феликсъ. Я ожидалъ похвалы...

Жиро. *(въ сторону.)* А я — ласки, благодарности...

Феликсъ. И вмѣсто того нахожу васъ разсерженнымъ...

Жиро. (*останавливая его.*) А я нахожу, что ты гораздо болѣе занятъ наградой и почестями, нежели отцемъ и матерью. Можно подумать, что всѣ

твои привязанности сосредоточились въ этихъ дрянныхъ книгахъ.

Феликсъ. Какъ вы можете это думать, батюшка? нѣтъ, но развѣ не естественно мнѣ быть въ восторгѣ отъ такой удачи? первая награда! да вы сами должны бы гордиться...

Жиро. (*внѣ себя.*) Гордиться! О! не произноси этого слова.. я не горд... и никогда гордецомъ не былъ... Мнѣ кажется, что, въ этомъ отношеніи, ты не похожъ на своего отца... Первая награда!.. Конечно, все это прекрасно... тебѣ удивляются, даютъ вѣнки... Ты обѣдаешь во дворцѣ, все это вскружило тебѣ голову. Тутъ позабудешь, что ты сынъ простаго ремесленника... это такъ естественно... какъ вспомнить о бѣдномъ каменщикѣ, когда сидишь въ

прекрасныхъ гостинныхъ! это невозможно... не правда ли? тутъ самъ становишься вельможей... но между тѣмъ, истина-то остается... надобно когда-нибудь и правду вспомнить... тогда говоришь себѣ: зачѣмъ я не сынъ знатнаго и богатого человѣка. Вмѣсто того, чтобы быть сыномъ ремесленника. О, не говори мнѣ: нѣтъ;— я тебя постигъ; можетъ быть, теперь ты еще не краснѣешь, вспоминая обо мнѣ... Но придетъ время, и до этого дойдетъ дѣло: начало положено.

Феликсъ. Батюшка!

Жиро. Сегодня утромъ, когда съ трепетомъ дожидался тебя, я мечталъ совершенно о другомъ... Онъ кинется ко мнѣ на шею... думалъ я... дуракъ я былъ, дожидайся! надобно было, чтобы г-нъ Мэръ напомнилъ ему,

обнять своихъ родителей, какъ будто подобныя вещи приказываются. Видишь ли ты, мнѣ было бы гораздо пріятнѣе, если бы ты пришелъ ко мнѣ съ пустыми руками, но съ распростертыми объятіями... я бы сказалъ: „мальчикъ не очень ученъ, правда... но у него есть сердце... а одно стоитъ другаго... съ добрымъ сердцемъ, будешь всегда честнымъ человѣкомъ.“ Вотъ образъ мыслей бѣднаго каменьщика... и онъ стоитъ всякаго другаго!..

Феликсъ. Но право, батюшка, я васъ не понимаю... и если моя награда васъ сердитъ... позвольте мнѣ ее спрятать и удалиться вмѣстѣ съ ней...

(онъ хочетъ выйти.)

Жиго. *(останавливая его.)* Ос-

таться здѣсь... съ тѣхъ поръ, какъ ты пришелъ къ намъ... я уже довольно страдалъ... я началъ говорить и остановлюсь только тогда, когда выскажу всю мою горесть... да при томъ намъ остается поговорить и о другихъ предметахъ... ты возвратился... Очень хорошо... но ты долженъ чѣмъ-нибудь заняться... я не имѣю средствъ кормить лѣнтяя, готоваго сидѣть, сложа руки.

Феликсъ. Я самъ думалъ поговорить съ вами объ этомъ, батюшка... и я думалъ...

Жиро. Ты думалъ... ты думалъ, я не хочу знать твоего мнѣнія... я тебѣ сейчасъ скажу, чѣмъ ты долженъ заняться. (*въ сторону.*) Куда ни шло! тѣмъ хуже для него: ему нуженъ урокъ... и урокъ будетъ самый хорошій...

Феликсъ. Я слушаю, батюшка!

Жиро. О! большихъ объясненій не надобно... сегодня ты отдохнешь... а завтра... сынъ мой... будешь ученикомъ каменнаго дѣла.

Феликсъ. (*остолбенѣвъ.*) Каменьщикомъ!

Жиро. Почему же нѣтъ? тебя удивляетъ, что я заставилъ тебя учиться, для того, чтобы разводить известь... это моя прихоть!.. мнѣ хочется имѣть помощникомъ получившаго первую награду... это —роскошь, которая мнѣ нравится...

Феликсъ. Стоило труда учиться, по-Латыне и по-Гречески...

Жиро. Если угодно, ты будешь разводить известь по-Латыне.

Феликсъ. (*съ живостію.*) О! нѣтъ, нѣтъ... вы смѣетесь надо мной...

не возможно, чтобы вы хотѣли дать мнѣ подобное занятіе.

Жиро. Что же ты находишь худаго въ этомъ занятіи?... Отчего оно заставляетъ тебя краснѣть?.. это занятіе твоего отца!... и честнаго человѣка, слышишь ли?..—человѣка, за которымъ я знаю только одну ошибку: у него не было достаточно разсудка, чтобы понять, что, если онъ воспитаетъ своего сына какъ вельможу, сынъ возвысившись не захочетъ снизойти до него. Но эту ошибку надобно исправить, и вотъ почему... ты будешь каменьщикомъ.

Феликсъ. (*рьшительно.*) Возможно ли это?

Жиро. Не возможно... не существуетъ... я приказываю...

Феликсъ. Батюшка, могу ли я

вамъ повиноваться въ этомъ случаѣ! что́ скажутъ мои товарищи, узнавши, что Жиро каменьщикъ... послѣ того, какъ онъ получилъ первую награду.

Жиро. А! опять проклятая награда! ну такъ она сейчасъ исчезнетъ... тебѣ... первую награду!..

Тебѣ награду ... ты смѣешь,
Не можетъ быть она твоей,
Ты ею больше дорожишь,
Чѣмъ мной ... любовію моей.
Тотъ, кто родителей стыдится,
Краснѣя, смотритъ на отца,
Награды долженъ тотъ лишиться,
Ея не видѣть никогда.

(*Онъ бросается на книги.*)

Феликсъ. (*въ себя.*) Батюшка! Батюшка! не дотрогивайтесь до моей награды!

Жиро. А! такъ ты мнѣ запрещаешь! такъ смотри же! (*беретъ книги и броситъ ихъ въ колодезь чрезъ открытое окно.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣже, Маргарита, Луиза и Клодъ.

Маргарита. (*въ испугѣ.*) Боже мой! что случилось? Жиро, я умоляю тебя...

Жиро. (*отталкивая ее.*) Оставь меня! оставь меня!

Луиза. (*умоляющимъ голосомъ.*) Батюшка!

Жиро. (*старается удержать себя.*) Феликсъ, ты не покорный сынъ... такъ вотъ тебѣ дверь .. выбирай... или сегодня же быть выгнаннымъ на всегда изъ моего дома, или завтра стать каменьщикомъ.

Феликсъ. Никогда!

Жиро. Пошелъ же вонъ!

Финалъ.

Жиро. Феликсъ, видишь ты дверь? —
Выходи вонъ сейчасъ!

Маргарита. Другъ мой, гнѣвъ свой умѣрь,
Пощади хоть для насъ.

Луиза. Умоляю я васъ!

Жиро. Нѣтъ ... никакъ не прощу.

Всѣ. Умоляемъ мы васъ!

Жиро. Нѣтъ ... никакъ не прощу.

Хоръ.

Вмѣстѣ.

Пощадите его.
Что́ отказывать намъ?..
Не гоните его,
Онъ уступитъ вамъ.

Жиро. Не жалѣю его,
Откажу я вамъ,
Изгоняю его,
Пусть уйдетъ онъ самъ.

Феликсъ. Умоляю, прошу,
Пощадите меня,
Уступить не могу:
Что́ же скажутъ друзья,
Какъ увидятъ, что я
Я — Жиро,—каменьщикъ —,
Что работаю я
И одѣтъ, какъ мужикъ.

Хоръ.

Вмѣстѣ.

Пощадите его;
Что́ отказывать намъ?..
Не гоните его,
Онъ уступитъ вамъ.

ВМѢСТѢ.

Жиро. Не жалѣю его,
Откажу я вамъ,
Изгоняю его,
Пусть уйдетъ онъ самъ.

Фелвксъ. Умоляю, прошу
Пощадите меня,
Уступить немогу,
Не гоните меня.

(Взбѣшенный Жиро хочетъ броситься на Феликса, Маргарита и Луиза удерживаютъ его. Феликсъ выходитъ. Испуганный Клодъ отрѣзываетъ себѣ ломоть хлѣба и ѣстъ. Занавѣсъ опускается.)

—

ДѢЙСТВІЕ II.

(Театръ представляетъ пустое мѣсто. На право—строющійся домъ, съ лѣсами. Ульсовъ стоитъ лѣстница. Подлѣ лѣстницы, творило для извести и ведро; на лѣво—дерево, возлѣ него скамейка.)

ЯВЛЕНІЕ I.

Жиро и Клодъ.

Жиро. (*изъ строющагося дома.*) Гей! Клодъ! подай—ка мнѣ разведенной извести! да сдѣлай погуще!

Клодъ. (*неторопясь.*) Сейчасъ! сейчасъ! (*медленно поднимается съ земли, подходитъ къ творилу и хочетъ влить туда воду. Бьетъ два часа. Онъ ставитъ ведро на мьсто.*) Хозяинъ, било два часа. Известь не принимается . .

Жиро. (*выходя изъ дому.*) Какъ? два часа!. . уже?

Клодъ. Какъ же хозяинъ; вотъ уже цѣлый часъ, какъ они пробили въ моемъ желудкѣ. Я голоденъ. . . да какъ еще голоденъ.

Жиро. Ну, чтожъ! иди, кушай. . . любезный.

Клодъ. Иду, иду, хозяинъ . . но вы?

Жиро. (*сердито*) Я! я!... я не голоденъ.

Клодъ. Не голодны! полно-те, пожалуйста!... какъ будто это возможно! чтобы человѣкъ не былъ голоденъ.... это стыдно...

Жиро. (*разсердившись.*) Послушай! скоро ли ты кончишь всѣ эти глупости. Ступай обѣдать и оставь меня въ покоѣ.

Клодъ. (*сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, чтобы выйти.*) Чтоже я дѣлаю, хозяинъ! я оставляю васъ въ покоѣ... (*останавливается.*) Да нѣтъ же! не пойду пока еще разъ не попробую васъ увести: горько на васъ поглядѣть... Вотъ уже два дня вы ничего не кушаете; оно не можетъ долго такъ продолжаться... вы захвораете.

Вотъ хорошо будетъ! правда вы горюете... но это еще не причина...

Жиро. Да... да у меня горе... и большое...

Клодъ. И потому вы ничего не кушаете? между тѣмъ какъ это—единственное средство вылечиться.

Жиро (*сердито.*), Оставь же меня въ покоѣ!

Клодъ. Какже ты упрямъ, хозяинъ! но когда я говорю, что я иначе не поступаю... посмотрите!.. когда я струшу... это случается каждый разъ, что этотъ большой глупецъ, Жерменъ Пилонъ, дурачится надо мной... спрячется, потомъ вспрыгнетъ на плечи, вотъ этакъ... и закричитъ... вдругъ: Гу! Гу! пошелъ!.. незнаешь, что за звѣрь у тебя на плечахъ сидитъ. Ну, что́жь я дѣлаю тогда? иду въ шкапъ,

гдѣ лежитъ хлѣбъ, отрѣзываю себѣ добрый ломоть, и, если найду гдѣ нибудь въ углу кусочекъ жиру .. пожираю.. и успокоиваюсь. Горе ли какое мучитъ меня, я дѣлаю тоже самое... если съ перваго раза не удастся...

Тогда упрямлюсь, больше ѣмъ,
И этимъ горе прогоняю
Я говорю ему при семъ:
Молчи!—себя же избавляю:
Отъ всякихъ золъ, гоню тоску ...
Конечно, часто я страдаю
Въ желудкѣ болью, но—не лгу!
Душевныхъ горестей не знаю.

Да, у меня растроивается желудокъ, за то горе проходитъ... самое вѣрное средство: гомопатія, какъ говорятъ. Опасности нѣтъ, чтобы засѣло въ горлѣ.

Жиро. Чего ты хочешь отъ меня; ты хочешь, чтобы я разсердился, и заставилъ тебя уйти.

Клодъ. Нѣтъ, хозяинъ, совершенно не нужно .. я ухожу... но какъ бы то ни было... вы не правы. (*въ сторону.*) Его ничѣмъ не уговоришь... но я его не оставлю одного въ горести. Пойду и буду ѣсть за двоихъ. Никто не можетъ себѣ вообразить, что я въ состояніи сдѣлать для тѣхъ, кого я люблю. (*Убѣгаетъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Жиро. (*одинъ.*)

Глупецъ! онъ хочетъ заставить меня ѣсть... какъ будто это отъ меня зависитъ. У меня на сердцѣ лежитъ тяжесть, которая меня душитъ... Точно будтобы положили туда цѣлую горсть извести. Я выгналъ сына, и со

вчерашняго дня онъ не возвращался... Гдѣ онъ? Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что онъ не терпитъ ни въ чемъ недостатка... О! я былъ слишкомъ строгъ. — (*помолчавъ съ минуту.*) Впрочемъ, онъ стоилъ того, и я хорошо поступилъ. Смотри, Жиро, смотри, будь твердъ. Онъ могъ же быть увѣренъ, что я не сдѣлаю его на вѣки каменьщикомъ... и чего я отъ него требовалъ? Уступить мнѣ на одно мгновеніе,.. а онъ и того не сдѣлалъ... неблагодарный!

Я все работалъ, надрывался,
Сто разъ чуть шеи не сломилъ,
Лишалъ себя, почти нуждался
И для него лишь все копилъ.
Я не жалѣлъ для воспитанья...
И чтóжь? за это я просилъ
Не много—только послушанья,
А онъ никакъ не уступилъ.

Онъ не уступилъ мнѣ... я его на-

казалъ и хорошо сдѣлалъ! (*глядитъ за сцену.*) Вотъ идетъ Маргарита, бѣдная женщина!.. Она опять будетъ плакать... просить... но я долженъ крѣпиться. Вотъ тутъ-то самое трудное... нужно немного побранить ее и поворчать на нее, чтобы скрыть печаль.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Жиро и Маргарита.

Маргарита. (*входитъ.*) А ты здѣсь, дружокъ!

Жиро. (*грубо.*) Ну, чтожъ... да, я здѣсь... ну, а потомъ что̀...

Маргарита. Боже мой! какъ ты мнѣ отвѣчаешь! ты точно проглотить меня хочешь...

Жиро. (*также*). Не бойся... я

бы опасался костей... Ну, чтожь... что тебѣ еще надобно?..

Маргарита. Что мнѣ надобно... что мнѣ надобно... я хочу знать, почему ты не идешь обѣдать.

Жиро. (*грубо.*) Я не голоденъ.

Маргарита. Нашелъ причину!

Жиро. Найди мнѣ лучшую...

Маргарита. Боже мой! за нею очень далеко идти не надобно,.. Вотъ, видишь ли, Жиро... ты страдаешь, у тебя есть горе...

Жиро. (*съ живостію*). У меня?

Маргарита. Я въ этомъ вполнѣ увѣрена... ты хочешь представиться жестокимъ человѣкомъ... ты хочешь показать, что не думаешь о сынѣ... но эта мысль сильнѣе тебя... не отнѣкивайся. Развѣ я тебя не знаю; ты себѣ говоришь: я поворчу на Марга-

риту, обойдусь съ ней грубо, сдѣлаю самую сердитую и злую физіономію, и она не увидитъ моей печали. Ну, что̀жь изволь, я позволяю... кричи... бранись... ворчи, я все снесу терпѣливо, и жаловаться не буду, потому что знаю очень хорошо, что на сколько ты представляешься злымъ, на столько же ты добръ; притомъ я говорю себѣ: это его успокоиваетъ. Но лишать себя пищи. О! нѣтъ, я не позволю. Я все стерплю, пока дѣло идетъ обо мнѣ одной... ни слова не скажу... но когда ты себя лишаешь всего... тутъ ужъ дѣло другое... я жалуюсь... и повторяю тебѣ: Жиро, мой добрый мужъ, поди, покушай... образумься... иначе ты можешь захворать, а я этого не хочу.

Жиро. (*растроганъ.*) Добрая Маргарита!

Маргарита. И благоразумно ли это, скажи пожалуйста? если ты такъ строго наказалъ сына, то вѣрно уже такъ слѣдовало...

Жиро. Все равно... я слишкомъ далеко зашелъ, Маргарита.

Маргарита. Правда... ты былъ слишкомъ строгъ. Если же ты въ этомъ убѣжденъ... кто тебѣ мѣшаетъ призвать его назадъ.

Жиро. (*быстро.*) Нѣтъ, это значило бы уступить... дѣло другое, если онъ самъ возвратится.

Маргарита. Да развѣ онъ можетъ... послѣ того, какъ его выгнали?

Жиро. Все равно, слѣдуетъ возвратиться и придти къ отцу, не смотря на то, что онъ сердится... и онъ сей-

часъ перестанетъ, если скажешь ему: батюшка, я былъ виноватъ... я теперь пришелъ и повинуюсь вашей волѣ. Но жди этого, мальчикъ такъ упрямъ, что не сдѣлаетъ ни за что...

Маргарита. Да... да... онъ дѣйствительно въ этомъ отношеніи похожъ на своего отца.

Жиро. Если бы я только зналъ, гдѣ онъ и куда пошелъ безъ денегъ?

Маргарита. (*съ живостію*). У него были деньги!

Жиро. Откуда?

Маргарита. (*нѣсколько смутившись.*) То, что́ я и Луиза скопили... О! ты меня будешь бранить.

Жиро. (*растроганный береть ее за руку.*) Маргарита! ты добрая и достойная женщина и сдѣлала то, что́ слѣдовало. На моей сторонѣ строгость...

на твоей доброта, такимъ образомъ есть равновѣсіе. Ну теперь я спокойнѣе и отправляюсь поѣсть немного.

(*Онъ хочетъ идти.*)

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже и Луиза.

Луиза. (*входитъ.*) Мамаша, мамаша... я видѣла его...

Жиро. (*возвращаясь.*) Кого ты видѣла?

Луиза. (*испугавшись.*) Папенька! я не смѣю...

Маргарита. Ты можешь говорить, дитя мое, онъ не разсердится. (*Жиро.*) Я посылала ее сегодня утромъ узнать, что̀ дѣлаетъ Феликсъ.

Жиро. (*съ живостію.*) Ну, чтожъ!

Луиза. Я его видѣла!.. Бѣдный братъ! онъ провелъ ночь въ Куломье, но не могъ никакъ уснуть: онъ всю ночь проплакалъ, и когда я пришла, къ нему, глаза его были полны слезъ... Это меня очень опечалило, и я стала плакать съ нимъ вмѣстѣ; даже и теперь, какъ вспомню, мнѣ кажется, опять бы расплакалась... *(плачетъ)* хи... хи.. хи... ну вотъ видите, вотъ и заплакала.

Маргарита. Утѣшься, дитя мое...

Луиза. Если бы вы его слышали? Ты увидишь нашего отца, говорилъ онъ мнѣ, ты очень счастлива, сестра моя, онъ тебя не оттолкнетъ отъ себя... выпроси за меня прощенія... Умоляю тебя...— и вотъ я теперь исполняю его порученіе.

Жиро. *(растроганный.)* Ну! ну! я

прощу... (*послѣ минутнаго молчанія, будтобы, собираясь съ духомъ.*) Когда онъ станетъ каменьщикомъ. Пойдемъ Луиза, проводи меня, пойду съѣсть кусочекъ. (*уходитъ.*)

Луиза. (*живо Маргаритѣ.*) Мамаша... онъ придетъ... сюда... сейчасъ.

Жиро. (*изъ-за кулисъ.*) Пойдемъ, Луиза, пойдемъ!

Луиза. Иду, папаша, иду! (*убѣгаетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Маргарита, потомъ Клодъ.

Маргарита. (*одна.*) Сынъ мой придетъ сюда! ахъ если бы мнѣ удалось уговорить его уступить отцу... хоть на одну минуту... но какъ это сдѣлаешь?

Клодъ. (*вбѣгаетъ запыхавшись.*) Хозяйка! хозяйка!

Маргарита. Что тебѣ еще?

Клодъ. Я чувствую сильный голодъ... ужаснѣйшій голодъ...

Маргарита. Какъ такъ? Да ты только что пообѣдалъ!

Клодъ. Правда, хозяйка, и почти объѣлся... Но это ничего не значитъ... даже если бы я съѣлъ и вдвое болѣе, такъ и тогда былъ бы, какъ волкъ, голоденъ... ахъ, если бы вы знали, что я видѣлъ.

Маргарита. Что́ такое? скороли—ты кончишь?

Клодъ. Вообразите себѣ, я былъ очень занятъ, кормилъ индѣйку...бѣдная птичка такъ и ласкалась около меня... вдругъ... О! если бы вы видѣли...

Маргарита. (*нетерпѣливо.*) Индѣйку?

Клодъ. Нѣтъ... господина Фелиска!

Маргарита. (*съ живостію.*) Моего сына?

Клодъ. Бѣдное животное... я не обращалъ болѣе на него вниманія... и оно со злости проглотило, два огромныя катышка хлѣба. Я говорю ему, куда вы идете?

Маргарита. Кому?

Клодъ. Конечно, г-ну Фелиску! Я иду домой, отвѣтилъ онъ мнѣ... и я опять сталъ играть съ индюкомъ. Тогда онъ началъ плакать, (не индюкъ, а г. Феликсъ такъ, что у меня сердце на части разрывалось.

Маргарита. Боже мой!

Клодъ. Я не могъ этого вынести

у меня сдѣлалось пусто въ желудкѣ, будто бы вовсе не обѣдалъ, я также началъ плакать... я очень чувствителенъ, не могу видѣть, когда другіе плачутъ; тотчасъ чувствую, будто въ животѣ у меня кто дергаетъ... Ничего, подумалъ я, надобно только сказать хозяйкѣ... и я побѣжалъ такъ скоро, что перегналъ его; хотя онъ и получилъ первую награду.

Маргарита. И такъ онъ идетъ?

Клодъ. Конечно, если я вамъ говорю, что идетъ; да вотъ вамъ и доказательство, поглядите сами. (*въ сторону.*) Ну, если онъ опять передомной начнетъ плакать... хлѣба въ домѣ не хватитъ...

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже и Феликсъ.

Феликсъ (*увидя Маргариту.*) Матушка!

Маргарита. Дитя мое!

(*Они бросаются другъ другу въ объятія.*)

Клодъ. (*въ сторону.*) О! дѣло-то становится слишкомъ трогательно; убѣгу... а то, пожалуй даромъ не отдѣлаешься и только разстроишь себѣ желудокъ. (*убѣгаетъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

Маргарита и Феликсъ.

Феликсъ. (*послѣ минутнаго молчанія.*) О! матушка! я прогнанъ, проклятъ отцемъ моимъ... (*плачетъ.*)

Маргарита. Дитя мое, не отчая-

вайся... ты вѣдь самъ виноватъ; зачѣмъ не хотѣлъ уступить ему?

Феликсъ. Сами посудите, матушка, могу-ли я быть каменьщикомъ; каменьщикомъ послѣ моихъ успѣховъ?

Маргарита. Почему же нѣтъ? Ты долженъ же самъ разсудить, что это не всегда такъ будетъ. Послушай, я буду съ тобой откровенна... ты, можетъ быть показалъ слишкомъ много гордости, высокомѣрія, и отецъ твой, между прочимъ, человѣкъ разсудительный, хотѣлъ унизить тебя не много.

Феликсъ. Этого-то—униженія я и не въ силахъ снести; разсудите, маменька сами: у меня есть товарищи въ Куломье,—товарищи, которые были свидѣтелями моего торжества... что они подумаютъ, когда увидятъ, что я ворочаю кирпичи? кромѣ того, муни-

ципальный совѣтъ задаетъ для меня обѣдъ... что́ скажутъ обо мнѣ, когда, придя за мной, найдутъ меня въ одеждѣ каменьщика?

Маргарита. Я не учена, сынъ мой, и говорю то, что́ сердце мое говоритъ; но полагаю, что они сказали бы: вотъ славный мальчикъ, ремесло отца, и при томъ ремесло честное, не заставляетъ его краснѣть; это доказываетъ, что хотя онъ и многому выучился, но не пріобрелъ гордости... Вотъ, что они сказали бы про тебя и повѣрь, еще болѣе стали бы тебя уважать.

Феликсъ. Нѣтъ, нѣтъ, матушка, вы не знакомы съ свѣтомъ. Увидя меня въ такомъ нарядѣ, они вскричали бы: „Вы знаете Феликса Жиро, который такъ хорошо учился—ну, что́ же? это пошло ему въ прокъ: поди-ка! онъ ка-

меньщикъ.“ Мнѣ кажется, я отсюда слышу ихъ насмѣшливый хохотъ... нѣтъ, я не былъ бы въ состояніи этого снести.

Маргарита. *(въ сторону.)* Боже мой! я начинаю думать, что Жиро былъ правъ; сынъ нашъ настоящій гордецъ. *(вслухъ.)* Подумай хорошенько, Феликсъ, отецъ не проститъ тебя пока ты ему непокоришься... Уступи, я умоляю тебя, не оставайся глухимъ къ мольбамъ матери, которая любитъ тебя и умретъ съ отчаянія если твоя гордость лишитъ ее на вѣки сына.

Феликсъ. *(растроганъ.)* Матушка!

Маргарита. *(останавливая его.)* Не отвѣчай мнѣ... не отвѣчай мнѣ. Дѣйствуй осторожнѣе и обсуди все хорошенько, прежде нежели произнесешь роковое слово, которое раз-

лучить насъ на всегда; отецъ твой говорилъ еще сегодня утромъ: „если онъ не уступитъ, я его къ себѣ на глаза не пущу.“ Не забывай его словъ! Чрезъ часъ я приду къ тебѣ за отвѣтомъ; а въ это время я упрошу Жиро, чтобы испытаніе небыло продолжительно. Вотъ все, что я могу для тебя сдѣлать... Прощай! прощай! помни, что все почти отъ тебя зависитъ.

Не забывай его угрозы,
Тебя на вѣкъ прогонитъ онъ;
Ты знаешь самъ, что мои слезы
Намъ не помогутъ ... а смягченъ,
Когда уступишь добровольно,
Онъ будетъ радъ тебя простить;
Ты разсуди ... намъ очень больно ...
Ему ты долженъ уступить.

Феликсъ.

Но вы подумайте, вѣдь я,
Награду въ школѣ получилъ,
Въ наукахъ первымъ былъ всегда
И всѣмъ примѣромъ я служилъ.

Къ чемужъ повель меня успѣхъ?
Работать просто какъ мужикъ...
Друзей отсюда слышу смѣхъ:
„Смотрите—ка ... онъ каменьщикъ".

Маргарита выходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Феликсъ (*одинъ.*)

(*Садится на скамейку и остается нѣсколько времени, погруженный въ задумчивость, закрывъ лицо руками. Наконецъ начинаетъ рыдать.*)

Боже мой! Боже мой! что̀ дѣлать? навсегда, сказала она, навсегда! безъ родителей! безъ друзей! проклятый, выгнанный изъ отцовскаго дома! (*плачетъ.*) Да, правда, я чувствую, что гордость меня снѣдаетъ. Но развѣ эта гордость неумѣстна? развѣ мнѣ не чѣмъ гордиться? получилъ вѣнки, обѣдалъ во дворцѣ. (*встаетъ съ отчаяніи.*) А моя награда ... награда,

которая вчера была у меня въ рукахъ, я больше не увижу ея...она уничтожена, потеряна для меня на вѣки. О! отецъ мой, ты былъ слишкомъ строгъ. Ты могъ меня выгнать...могъ меня проклясть... Но эта награда принадлежала мнѣ, я заслужилъ ее своими трудами. Нѣтъ, нѣтъ, я не могу быть каменьщикомъ! и никогда имъ не буду... уйду, не дождусь возвращенія матери. У меня и безъ того много горя, а если она станетъ прощатся, у меня сердце разорвется на части. Нѣтъ, что́ ни говори, а я никакъ не неблагодарный сынъ...я люблю отца моего за добро, которое онъ мнѣ сдѣлалъ, за воспитаніе, которое онъ мнѣ далъ. Но гордость... благородная гордость беретъ верхъ...и, когда я возвращусь къ нему... уважаемый всѣми, осыпан-

ный почестями, отецъ забудетъ старое и откроетъ мнѣ опять свои объятія. Уйду...

(*хочетъ выйти.*)

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

Феликсъ и Луиза.

(*Луиза входитъ, таинственно, съ узелкомъ въ рукахъ.*)

Луиза. А! ты здѣсь, Феликсъ?

Феликсъ. (*останавливаясь.*) Сестра!

Луиза. Стъ! тише! не кричи такъ громко, ты меня выдашь.

Феликсъ. (*возвращаясь.*) Тебя выдать? что за тайна?

Луиза. Что за тайна? ты развѣ не видишь? я ухожу, я отправляюсь въ Парижъ... если ты будешь такъ кричать, то замѣтятъ мой уходъ и меня задержатъ.

Феликсъ. (*съ удивленіемъ.*) Какъ? да кто тебя посылаетъ въ Парижъ?

Луиза. (*весело.*) Никто... я сама захотѣла.

Феликсъ. Сама?.. одна?.. да обдумала ли ты свое предпріятіе...

Луиза. Да...да...да...я все передумала! Со вчерашняго дня я только то и дѣлаю, что думаю... никогда еще бѣдный разсудокъ мой не былъ такъ занятъ.

Феликсъ. Что же ты хочешь сдѣлать?

Луиза. Ты всему причиной... я очень хорошо взвѣсила, все что ты говорилъ вчера, и нахожу, что ты правъ. Проводить здѣсь жизнь съ работниками... вотъ тебѣ разъ! Нѣтъ! слова твои наполнили мнѣ голову мыслями, которыя ко мнѣ никогда не приходили. Право,

смѣшно подумать какая во мнѣ произошла перемѣна. До сихъ поръ я думала, что самое большое счастіе заключается въ томъ, чтобы жить у своихъ родителей... Окружать ихъ попеченіями... одѣваться по воскресеньямъ лучше чѣмъ въ прочіе дни... потанцовать не много послѣ недѣльной работы. И—Боже мой!—какъ я была глупа!.. сегодня я иначе разсуждаю... мнѣ—пришли всѣ идеи большой барыни... я хочу имѣть богатыя платья, каждый день наряжаться, никогда не работать, всегда танцовать и прогуливаться когда только вздумается. Наконецъ, я хочу имѣть значеніе въ свѣтѣ; вотъ въ чемъ состоитъ главное счастіе жизни... а такъ-какъ все это можно найти только въ Парижѣ, (я всегда такъ слышала), то я и рѣши-

лась туда отправиться. Когда же я буду прекрасной дамой, а ты прекраснымъ господиномъ, мы будемъ гулять вмѣстѣ; а если встрѣтимъ папеньку и маменьку, то сдѣлаемъ видъ, будто ихъ не видимъ... потому, что не слѣдуетъ знать другимъ, что мы дѣти бѣднаго ремесленника; (*весело*) неправда ли, это будетъ прекрасно.

Феликсъ. (*который слушалъ съ удивленіемъ.*) Я едва могу опомниться. Нѣтъ! нѣтъ! это невозможно! Это не ты мнѣ говоришь?

Луиза. (*весело.*) Я не знаю, кого ты слушалъ, но я тебѣ говорила.

Феликсъ. Ты! ты! хочешь убѣжать изъ родительскаго дома?.. ты стыдишься своихъ родителей?

Луиза. Почему же нѣтъ? вѣдь и ты говоришь тоже самое!

Феликсъ. (*смущенный.*) Я, сестра... я. О! ты непонимаешь...

Луиза. (*съ живостію.*) Понимаю, очень понимаю, что мнѣ нужно значеніе въ свѣтѣ, хорошенькія платья, и я поскорѣе пойду отыскивать ихъ. (*беретъ узелокъ и хочетъ уйти.*)

Феликсъ. (*удерживая ее.*) Луиза, что ты дѣлаешь? Несчастная сестра! знаешь ли, чѣмъ ты будешь жить въ Парижѣ. Знаешь ли ты, что́ такое подобный городъ. Нѣтъ, это невозможно, ты не хочешь идти... ты шутишь. Тебѣ, которую всѣ считали такой благоразумной, такой доброй, вдругъ забыть любовь отца и матери! вѣдь ты не въ самомъ же дѣлѣ думаешь ихъ покинуть?.. Луиза! Луиза!

Луиза. Да отпусти же меня... раз-

вѣ ты не видишь, что я даромъ теряю время.

Феликсъ. (*сильно.*), Если такъ... такъ нѣтъ же, я не позволю!

Луиза. (*убѣгая отъ него, лукаво говоритъ.*) Прощай, миленькій братецъ... мы скоро увидимся...

Феликсъ. (*съ живостію.*) Здѣсь?

Луиза. (*изъ глубины сцены.*) Въ Парижѣ! (*убѣгаетъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ. X.

Феликсъ, потомъ Жиро.

Феликсъ. (*одинъ.*) Луиза! Луиза! сестра моя! (*слышенъ голосъ Луизы за сценой, она весело поетъ пѣсенку.*) Она удаляется... она меня не слушаетъ... Всемогущее небо! возможно ли, чтобы мое присутствіе принесло

столько горя моимъ родителямъ? сестра также ихъ покинула! нѣтъ, этого не можетъ быть. Какъ бы мнѣ помѣшать ей. (*послѣ минутнаго молчанія.*) Да... вотъ что́ я сдѣлаю... пойду сыщу отца... подвергнусь его гнѣву... скажу ему все... и... (*увидя Жиро.*) вотъ и онъ... Боже! смягчи его сердце; устрой такъ, чтобы онъ не оттолкнулъ меня отъ себя.

Жиро. (*про себя проходя сцену.*) Печаль не должна мнѣ мѣшать работать...

Феликсъ. Батюшка!

Жиро. (*увидя его, съ живостію.*) Оставьте меня!

Феликсъ. Умилосердитесь!

Жиро (*отталкивая его.*) Оставьте меня, говорю вамъ: я васъ не знаю.

Феликсъ. Послушайте!

Жиро. Подите же прочь!

Феликсъ. На одну минуту!

Жиро. Говорятъ вамъ, подите прочь!

Феликсъ. Одно только слово!

Жиро. Ни одного, ступайте а не то я разсержусь.

Феликсъ. (*умоляющимъ голосомъ.*) Остановитесь... на минуту... развѣ вы больше мнѣ не отецъ?..

Жиро. Нѣтъ, сударь; у меня нѣтъ сына! (*уходитъ въ строющійся домъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

Феликсъ, потомъ Клодъ.

Феликсъ. (*одинъ.*) Батюшка, остановитесь! (*съ отчаяніемъ.*) Онъ меня отвергаетъ! Онъ слушать меня не хочетъ. Боже мой! что дѣлать? Однакоже онъ долженъ узнать... несчастная

сестра, не предупредивъ отца, я немогу допустить, чтобы ты ушла... на что рѣшиться? Боже мой! что мнѣ дѣлать?

Клодъ. (*входя говоритъ въ кулисы.*) Ступай себѣ, мое сокровище, воротись мой милашка, на птичій дворъ. Какъ? Что ты говоришь? кукъ.. кукъ ... ты хочешь идти со мной? Нѣтъ, нѣтъ, ты меня разсѣешь, и я не буду въ состояніи разводить извести и глины.

Феликсъ. (*который въ это время разсуждалъ самъ съ собою.*) Да! другаго средства нѣтъ! (*увидя Клода*). А!

Клодъ. (*въ сторону.*) Господинъ Фелискъ.

Феликсъ. (*живо идя къ нему*) Клодъ, другъ мой, хочешь ли оказать мнѣ услугу?

Клодъ. Одну... двѣ...три, если хотите, господинъ Фелискъ; только, чтобы не плакать вмѣстѣ съ вами... это, было бы, сверхъ силъ моихъ, во первыхъ: я начиненъ, какъ пирогъ, а отъ этого, могутъ быть дурныя послѣдствія...

Феликсъ. Не въ этомъ дѣло... дай мнѣ твое платье...

Клодъ. Мое платье.

Феликсъ. Да, пожалуйста, поскорѣе...

Клодъ. А я-то какже? вы хотите, чтобы я прогуливался въ костюмѣ дикаго?

Феликсъ. (*снимая сюртукъ.*) Вотъ тебѣ мое платье.

Клодъ. Мнѣ! вы хотите помѣняться... вотъ хорошо... вотъ тебѣ разъ... Да, нѣтъ же, нѣтъ... вы будете въ убыткѣ; конечно моя куртка съ перва-

го взгляду хороша, но она стара; — очень стара.

Феликсъ. (*нетерпѣливо.*) Я требую... я хочу.

Клодъ. (*снимая рабочую куртку.*) Ну, коли такъ, извольте! (*съ удовольствіемъ.*) Вотъ тебѣ разъ... штука хорошая... отличная штука. (*надѣвая сюртукъ.*) Я въ этомъ платьѣ произведу эффектъ... всѣ назовутъ меня щеголемъ, франтомъ... Ай! ай! подъ мышкою тѣсно.

Феликсъ. (*въ платьѣ Клода.*) Теперь покажи мнѣ скорѣе, что мнѣ дѣлать, когда позоветъ батюшка.

Клодъ. (*удивляясь болѣе и болѣе.*) Какъ! вы хотите?..

Феликсъ. Занять твое мѣсто!

Клодъ. (*съ живостію.*) Какъ вы

меня хотите выжить. (*въ сторону.*) Проныра! Интриганъ!

Феликсъ. Только сегодня на одинъ день.

Жиро. (*изъ внутренности дома.*) Эй, Клодъ... дай мнѣ извести... да разведи по-гуще!

Клодъ. (*отвѣчая.*) Сейчасъ! Сейча...а...а...съ!

Феликсъ. Ну, скорѣе, покажи мнѣ!

Клодъ. Постойте же... какъ вы торопитесь... отвѣчаешь: сейчасъ! сейчасъ... но отъ того скорѣе не дѣлаешь. (*скрестивши руки на груди.*) Ну начинайте же... я готовъ и смотрю на васъ...

Феликсъ. (*съ нетерпѣніемъ.*) Да какъ же ты хочешь, чтобы я дѣлалъ то, чего не знаю.

Клодъ. (*съ крикомъ удивленія.*) А! онъ не умѣетъ разводить извести, и получилъ первую награду! Да что же, чему вы учитесь въ университетѣ?

Феликсъ. (*внѣ себя.*) Оселъ!

Клодъ. (*Становится въ позицію.*) Смотрите же хорошенько на меня; я начинаю. Вы не думайте, чтобы это было такъ легко. (*въ сторону.*) Боже мой! какъ жметъ подъ мышками. (*вслухъ.*) Слѣдите за моими движеніями, но мѣрѣ того, какъ я вамъ стану показывать. Я наливаю воды... кладу извести и потомъ... мѣшаю... мѣшаю... мѣшаю, покуда рука не устанетъ. И когда она устанетъ, я въ другую сторону мѣшаю... мѣшаю... мѣшаю, пока не отдохнетъ. И всегда такъ дѣлается. Ну вотъ готово,

подавайте пока горячо; теперь поставьте себѣ на голову... вотъ такъ. (*ставитъ ему творило на голову.*) Впередъ, маршъ!

Ну, впередъ и посмѣлѣе,
Съ лѣвой прежде выступать,
Ну, впередъ теперь бодрѣе,
И во всемъ мнѣ подражать.

(*въ сторону.*)

Пойду теперь я щеголять,
Воскликнутъ всѣ, кто тамъ гуляетъ?
Преважно буду я шагать ...
Индѣйка даже не узнаетъ.

Однако сильно жметъ подъ мышками.

(*Убѣгаетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XII.

Феликсъ и Жиро.

Феликсъ. (*въ сторону.*) Боже мой! ... настала страшная минута ...

Жиро. (*выходя изъ дома.*) Ну, чтожъ ты, лѣнтяй! ... кончишь ли! (*узнавая Феликса, съ радостію.*) Сынъ

мой, дитя мое! (*снимаетъ у него, съ головы творило.*)

Феликсъ. (*Съ радостію.*) Батюшка.

Жиро. (*вић себя отъ радости.*) Сюда, въ объятія мои, сынъ мой . . . сюда, ближе къ моему сердцу. О! ты хорошо поступилъ; ты понялъ, сколько ты причинилъ горя бѣдному, старому отцу твоему . . . и ты уступилъ . . .

Феликсъ. (*Съ живостію*). Одно слово, батюшка . . .

Жиро. Нѣтъ, нѣтъ... позволь, мнѣ говорить, я долженъ излить мою радость, а то она меня задушитъ. Такъ, ты рѣшился одѣться въ платье, которое я такъ давно хочу; старый каменьщикъ болѣе не заставляетъ тебя краснѣть... хорошо! хорошо сынъ мой . . . но берегись.

Теперь прошли мои сомнѣнья,
Ты сыномъ сталъ опять моимъ,
Но берегись ... придутъ и сожалѣнья
Потерянымъ трудамъ твоимъ.

ФЕЛИКСЪ.

О нѣтъ! родной отецъ, ты мой,
Я для тебя все забываю,
Мечты и гордость и покой,
Твою любовь лишь оставляю.

(*Жиро прижимаетъ его къ своему сердцу.*)

—

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢЖЕ, ЛУИЗА И МАРГАРИТА. (*стоятъ въ глубинѣ сцены.*)

ЖИРО. (*внѣ себя.*) О! я не могу болѣе удержаться! и ты могъ подумать... послушай...

ФЕЛИКСЪ (*съ живостію.*) Ничего не хочу слушать, батюшка, пока васъ не спросилъ... сестра моя... гдѣ она?

ЖИРО. Я полагаю дома!

ФЕЛИКСЪ. Совсѣмъ нѣтъ... ушла...

въ Парижъ... одна безъ защиты... и все это благодаря дурному примѣру, который я ей подалъ.

Жиро. Дочь моя! ушла... не возможно.

Маргарита. (*выходитъ на авансцену.*) Хорошо сказано, Жиро... не возможно.

Феликсъ. (*съ живостію.*) Что я вижу? какъ? это была...

Луиза. (*лукаво.*) Хитрость... милый Феликсъ; я была увѣрена, что я заставлю тебя опомниться.

Жиро и Маргарита. (*цьлуютъ ее.*) Милое дитя!

Феликсъ. (*въ сторону*).) Вотъ урокъ!

—

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣже и Клодъ безъ сюртука.

Клодъ. (*вбѣгаетъ.*) Хозяинъ, хозяинъ, письмо! (*отдаетъ ему; въ сторону.*) я снялъ его, а то, чортъ возьми, такъ жало подъ мышками.

Жиро. (*прочитавши письмо.*) Боже мой! какая радость... сынъ вотъ, что я хотѣлъ тебѣ сказать, и еще лучше того... я писалъ о тебѣ г-ну Римберту, нашему депутату... и вотъ мѣсто, которое онъ даетъ тебѣ смотри... (*передаетъ ему письмо.*)

Феликсъ. (*съ живостію.*) Его секретаремъ... какъ я счастливъ. (*Жиро говоритъ что то на ухо Клоду, который быстро убѣгаетъ.*)

Луиза. (*Феликсу.*) Ну, что̀ братецъ, ты на меня не сердишься?

Феликсъ. (*взявъ ее за руку.*) Добрая сестра!

Жиро. Теперь, сынокъ, поди скорѣй и сними это платье... Оно не прилично секретарю депутата.

Феликсъ. Нѣтъ, батюшка, я хочу чтобы оно сегодня было моимъ парднымъ платьемъ... ему я обязанъ всѣмъ счастіемъ.

—

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣже и Мэръ.

Хоръ.

Онъ награду получилъ,
И нашъ городокъ прославилъ,
Все трудами заслужилъ,
Память по себѣ оставилъ.

Мэръ. Феликсъ Жиро, я пришелъ за вами, чтобы вести васъ въ ратушу.

Феликсъ. Я къ вашимъ услугамъ...

Мэръ. Но этотъ нарядъ?..

Феликсъ. Тотъ, который съ вашего дозволенія, г. Мэръ, я сегодня буду носить; онъ мнѣ возвратилъ отца... я прежде стыдился его, забывая, что всѣмъ ему обязанъ... Изъ гордости, конечно преступной, я навлекъ на свою голову проклятіе добрѣйшаго родителя... и потому позвольте мнѣ посреди почестей, для меня столь лестныхъ, сохранить платье, которое будетъ безпрестанно напоминать мнѣ, кто́ я, и которое, показывая другимъ, изъ какого класса я рожденъ, преисполнитъ ихъ уваженія и благоговѣнія къ великодушному ремесленнику, подвергшему себя столькимъ лишеніямъ, для воспитанія сына... (*Живо съ чувствомъ.*) Батюшка, безъ васъ я остался бы ничѣмъ, пусть же все торжество настоящаго дня отразится на васъ.

Жиро. (*прижимая руку Феликса.*) Добрый мальчикъ!

Маргарита и Луиза. (*въ слезахъ.*) Милый Феликсъ!

Мэръ. Хорошо, молодой человѣкъ, очень хорошо! такія чувства дѣлаютъ вамъ честь .. Да, вы были достойны получить первую награду.

Феликсъ. (*съ живостію.*) О! не произносите этого слова, не напоминайте мнѣ.

Жиро. Ну, нечего дѣлать; тебѣ надобно утѣшиться и забыть потерю награды... но ты можешь всегда сказать себѣ: однажды въ университетѣ провозгласили: „первая награда принадлежитъ Феликсу Жиро.“

—

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣже и Клодъ.

Клодъ. (*входитъ съ наградой на головѣ.*) Вотъ она... Вотъ она...

Феликсъ. Что я вижу, мои книги?

Маргарита. Да какъ же это случилось, колодезь...

Жиро. Уже недѣлю тому назадъ высохъ.

Феликсъ. (*плачетъ отъ радости.*) Добрый, безцѣнный батюшка!

Клодъ. (*въ сторону, вынимая изъ кармана кусокъ хльба.*) Такъ я и ожидалъ и зналъ, что это непремѣнно будетъ; но я взялъ свои предосторожности. (*ѣстъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ XVII и ПОСЛѢДНЕЕ.

Хоръ крестьянъ. (*)

(*за сценой.*)

Мы пришли его поздравить,
Честь онъ нашей стороны
И хотимъ его прославить
За успѣхи и труды.

Жиро. Что̀ это такое?... Что̀ это такое?

Клодъ. (*говоритъ съ полнымъ ртомъ хлѣба.*) А! А! я знаю, что̀ это такое, хозяинъ; крестьяне, нашей деревни, даютъ маленькій праздникъ, въ честь Господина Фелиска, потому что онъ получилъ призъ на бѣгу.

ХОРЪ.

Мы пришли его поздравить,
Честь онъ нашей стороны,
И хотимъ его прославить
За успѣхи и труды.

(*Занавѣсъ опускается.*)

(*) Хоръ крестьянъ, какъ удобнѣе для играющихъ пьесу, можетъ быть на сценѣ или за сценой.

LIBRARY OF CONGRESS

0002527894A